

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Самая хитрая рыба

Елена Ивановна Михалкова
Самая хитрая рыба
Серия «Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 26

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48766118

Самая хитрая рыба: [роман] /Елена Михалкова: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119259-4

Аннотация

Что делать, если рядом с вами поселился убийца? Не следите за ним. Не злите его. Не ссорьтесь. Но главное – не давайте ему понять, что вы что-то знаете. Что делать, если вы нарушили одно из правил? БЕГИТЕ.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	56
Глава 4	88
Глава 5	96
Глава 6	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Елена Михалкова

Самая хитрая рыба

Глава 1

Анна Сергеевна Бережкова

1

Когда наконец-то купили дом напротив, я обрадовалась. Признаю, – это нелепая постройка. С легкой руки насмешливого Яна Прудникова за ней закрепилось название «сераль». Бывший владелец содержал то ли шесть, то ли семь наложниц и давал пищу для пересудов всему поселку. Все огорчились, когда он оказался в тюрьме.

Последние десять лет сераль пустовал. Мне было жаль его. Дома так быстро умирают, если в них нет человека, – больно смотреть. Каменные стены оплел дикий виноград, кровля некогда прекрасной оранжереи провалилась под тяжестью снега, а из балкона проросла березка – карикатурный синоним пальмы в горшке.

В эстетике упадка есть свое очарование. Но я испытала облегчение, услышав, что вскоре здесь будут жить люди.

Их оказалось двое. Молодая семейная пара: прекрасное соседство для старухи вроде меня.

Впервые я увидела их в начале июля. Стоял жаркий безветренный день. Особая тишина, тишина зноя заполняла его. Я распахнула дверь, чтобы выпустить из комнаты осу. Мой дом очень стар, он разохся, и в его стенах полно щелей. Однако из нас двоих в нем несоизмеримо больше достоинства. Я даже не могу назвать себя маленькой хозяйкой большого дома, хоть по документам он и принадлежит мне одной. Его истинные хозяева давно в могилах. Я кто-то вроде временного хранителя очага, домового эльфа – если бывают эльфы с гипертонией и шейным остеохондрозом.

Оса просочилась в кухню и танцевала над тазом с яблочным вареньем. Шершавые пчелы, слепни, комары – я стараюсь не убивать никого. У меня нет особых убеждений, лишь понимание, что жизнь – ужасно хрупкая штука. К этому неизбежно приходишь, когда и сам становишься хрупким, точно песочное печенье, которое передержали в духовке.

Оса вылетела, зло жужжа, и я уставилась на пару перед моими окнами.

Они стояли лицом к серало: высокий широкоплечий мужчина с бритым затылком и светловолосая женщина. В том, как он обнимал ее, было что-то странное.

– Перенесешь меня через порог? – со смехом спросила она.

Ответа я не расслышала.

Вечером, разливая варенье по банкам, я сообразила: его рука лежала на ее плече расслабленно и равнодушно, словно под ней было не живое женское тело, а забор или столб.

Через пару дней в дверь постучали.

– Здравствуйте, – сказала женщина. – Мы – ваши новые соседи.

Ее муж стоял на шаг сзади, принужденно улыбаясь.

По моей спине пробежал холодок. Не знаю, в чем было дело, в его глазах, или в улыбке, или в том, как он возвышался за ней, словно отрезая жене путь к отступлению, но мне захотелось немедленно захлопнуть перед ними дверь и забыть о том, что я встречала этих людей.

Вместо этого я пригласила их войти.

2

За чаем они рассказали о себе.

Его звали Антон Мансуров: тридцать лет, собственный бизнес – две автомастерские в Москве и планирует открыть еще одну. Загорелый, белозубый, с вертикально стоящими, точно густой кустарник над крутым обрывом лба, иссиня-черными волосами. Пожалуй, красивый, если вам по душе люди с волчьими улыбками. Хозяин жизни. В этом нет ничего дурного, пока они распоряжаются только своей.

У его жены руки были совсем детские, с обгрызенными

ногтями. Наташа... Я сразу стала про себя называть ее Агнешкой, по имени своей детской игрушки. Агнешка – злато-рунная овечка, самое трогательное существо на свете. Простое личико, бесхитростная речь – в отличие от Мансурова, который дважды козырнул словом «оксюморон». Боже мой, какая славная девочка, думала я, и как странно, что она замужем за этим жестким и, кажется, недобрый мужчиной.

Отпивая чай, она сказала, что работала медсестрой, но уволилась пять лет назад, когда у них родился ребенок.

Я вздрогнула. Ребенок?

Не знаю, отчего меня это так удивило.

– Ее зовут Лиза. А у вас есть дети, Анна Сергеевна?

Я покачала головой. В ее глазах не появилось неуместного сочувствия, как это часто случается с молодыми матерями, слышащими о чьей-то бездетности; они тотчас подыскивают бедняжке место в своей прямолинейной системе координат, где по оси X откладывается количество детей, а по оси Y – уровень счастья. Эти твердолобые голубки вызывают во мне такое же раздражение, как и адепты разнообразных теорий по классификации хомо сапиенсов, – доморощенные психологи, вульгарные толкователи душ.

А может, мне просто претит мысль, что я и впрямь с легкостью вписываюсь в трафаретный образ одинокой старухи.

Мы мимоходом коснулись воспитания малышки и обстоятельно побеседовали о восстановлении коттеджа. У Мансурова загорелись глаза, когда он стал перечислять, что на-

меревается сделать в саду. Вырубить деревья, выкопать бассейн, устроить детскую площадку с горкой...

– А вы? – спросила я Наташу. – Что бы вы хотели?

Меня не оставляло ощущение, что хотят они разного.

Она подняла на меня ясный взгляд.

– Я бы оставила все как есть. Сад зарос и похож на скалочный. В детстве у меня была книжка...

– У всех в детстве были книжки, – оборвал ее муж. – Но живем мы в реальности. Ты еще предложи бантик лисе повязать.

– Антон собирается пристрелить лису, – извиняющимся тоном сказала Наташа. – Они переносят бешенство.

Я прекрасно знаю эту лису! Она выходит к огородам на дальнем конце поселка, чтобы таскать цыплят, но время от времени заглядывает и к нам. Стоит на границе леса, изредка поднимая остренькую мордочку и нюхая воздух.

Мы все молча любим ее, не признаваясь друг другу. Даже владелец безвременно почивших куриных птенцов, грозившийся поставить на нее капкан, ограничился угрозами.

Казалось бы, простой зверек – лиса, но в том, что она прибегает к нам здесь, всего в сотне километров от мегаполиса, и знает наш поселок, и что-то размышляет себе в своей маленькой рыжей голове, – во всем этом есть какое-то чудо.

Однажды мне встретился лось. Я собирала грибы, когда он выплыл, ломая кусты, – бурый ледакол, сминаящий торосы, – и сильно встряхнул обомшелыми рогами, словно пы-

тался сбросить с головы невыносимую тяжесть. Увидев меня, лось пошлепал мясистой нижней губой, как шамкающий старик, подбирающий слова для приветствия, неуклюже развернулся и побрел обратно. Несколько дней я ходила потрясенная этой встречей, будто мне доверили нечто бесценное, чего я не заслужила.

А теперь, значит, пристрелить лису.

– Не нужно этого делать, – сказала я с чрезмерной, кажется, сухостью. – Лиса не бешеная.

– А вам откуда известно? – удивился Мансуров.

– Она здесь своя.

Он усмехнулся:

– Так и мы теперь тоже не чужие.

Нет, вы чужие, хотелось сказать мне, убирайтесь, откуда явились, не смейте вторгаться в наш мир и начинать с угроз, кто вы такие, чтобы убивать моих друзей? Да, черт бы вас побрал, я одинокая старуха, у меня их наперечет, так оставьте мне мою жизнь с теми, кого я сама выбрала в спутники!

Когда Мансуровы уходили, я смотрела на них из окна. Он шел твердо, как человек, всегда знающий, куда ступать. Она шла за ним след в след.

3

На следующий день я собиралась в магазин, повторяя в уме перечень покупок. Сахар, корица, кефир, подсолнечное

масло и свекла для винегрета. Существует мнемонический способ запоминания подобных списков, и я пользуюсь им с тех пор, как обнаружила, что память начинает меня подводить. Итак, я мысленно легла в ванну, наполненную теплым подсолнечным маслом. Искушавшись, намазала щеки свеклой, повалилась в корице, чтобы выглядеть загорелой, лихо втянула носом с кухонного стола две дорожки сахара («Криминальное чтение» – вот мой неисчерпаемый источник знаний) и поплыла по кефирной реке в сторону магазина. Чем абсурднее визуальный ряд, тем крепче он запоминается.

Я распахнула дверь. Раздался чей-то вскрик, и сразу ударил выстрел.

Потревоженная воронья стая снялась с тополя и принялась, каркая, кружить над поселком.

Лиса!

Я побежала очень быстро – о, только попыталась! Один рывок, и лодыжку пронзила боль. Я схватилась за перила, чтобы не упасть, добралась до калитки, подволакивая ногу, и поковыляла к коттеджу напротив. Выстрел был один – вот о чем я думала. Антон Мансуров – не тот человек, чтобы удержаться от второго, если зверь бежит прочь. Это означало, что ему хватило и одного.

– Анна Сергеевна!

Я обернулась, чуть не плача, и увидела Яна Прудникова.

– Что с вашей ногой? Вы знаете, кто стрелял?

– Мансуров... лису...

Ян Валерьевич не из тех людей, которым приходится объяснять дважды. Он подхватил меня под руку и усадил на скамейку перед палисадником.

– Ждите здесь. Я все выясню.

У дороги растет пышный куст жимолости. Он закрывал мне обзор, и пришлось полагаться на слух.

Шелест травы, трель звонка, испуганный женский голос и неожиданно жесткий – Прудникова.

Невдалеке из песчаного смерча возникла Ирина Тетерина. Она – рой разъяренных пчел в обличье невзрачной полноватой женщины средних лет, бывшего преподавателя по игре на фортепиано, растерявшего всех учеников. Если мир фальшивит, Тетерина лупит его линейкой по пальцам, пока тот не возьмется за ум. Не люблю ее: она криклива, чудовищно самодовольна и по большому счету неумна, однако сейчас я была рада ей как никогда.

– Это вы стреляли? – накинулась она на меня.

– Побойтесь бога, Ирина Юрьевна. Стреляли у Мансуровых. Кажется, в лису.

Она ринулась к коттеджу, и пронзительный голос разнесся над улицей, перекрывая вороний гай.

– ...как вы смеете... нарушение режима... обеспечение тишины силами всех жителей...

– А чего вы мне выговариваете, как мальчишке! – Это уже Мансуров.

Я невольно усмехнулась. Вот перед нами человек, выпу-

стивший наружу ядовитых пчел! Старожил не сделал бы такой ошибки.

– Вы и есть мальчишка! Не смейте перебивать меня, я не договорила! Вы знаете, с кем разговариваете? Вы здесь никто... как влетели, так и вылетите! ...добьемся на собрании... прецеденты... невероятная наглость...

Перекричать или переспорить Тетерину невозможно. Каждое слово ее ввинчивается в вас и жалит, пока вы бес-толково отмахиваетесь и пытаетесь найти способ остановить это безумие.

– ...четыре почетных грамоты от мэрии! – ярилась Тетерина. – Благодарность от родителей...

О, перешла к заслугам перед отечеством. Бегите, господин Мансуров, бегите.

Рядом со мной опустился на скамейку Прудников.

– Живая, – сказал он, отвечая на невысказанный вопрос. – Я отведу вас в дом, Анна Сергеевна.

– Ерунда!

– Если не жалеете себя, пожалейте мои уши.

Даже сквозь закрытые окна было слышно, как Ирина Юрьевна отчитывает супружескую чету.

– Вы уверены, что лиса спаслась? – спросила я.

– Абсолютно. Его жена закричала и спугнула зверя. Стрелок был очень недоволен.

– Что вы ему сказали?

Прудников махнул рукой.

– Пустое! На ногу наступать можете?

– Могу. Мне уже лучше, честное слово.

Это была правда. Как только я услышала, что выстрел не поразил цель, боль ослабла.

– Какой отвратительный человек! – вырвалось у меня.

– Но чем ему досадила лисица?

– В том-то и дело, что ничем. Мансурову взбрело в голову, что она бешеная.

– Если смотреть на вещи непредвзято, в этом есть зерно истины, – согласился Прудников. – Здоровые лисы крайне редко выходят к людям, наша – удивительное исключение. Откровенно говоря, я подозреваю, что это не лесной зверь. Возможно, она жила в клетке у кого-то на даче, а потом сбежала и теперь бродит неподалеку от человеческого жилья.

– Надеюсь, он не начнет снова палить в нее, – пробормотала я, думая о своем. – А вдруг она больше не придет?

– Придет, – успокоил Прудников.

4

Он оказался прав. Лиса появилась на третий день. Будто услышав мою тревогу, вышла из леса с нашей стороны, постояла с полминуты – и вновь исчезла в зарослях.

Радость от ее возвращения меркла при мысли, что Мансуров не оставит ее в покое. Такие люди не терпят поражения. Меня не лишили моего маленького друга, но теперь все на-

ше общение было отравлено страхом.

Я говорю «наше общение», прекрасно сознавая, как комично звучат мои слова. Лиса знать не знает о моем существовании.

Иное дело – кот!

Когда-то у меня был свой кот. Его давно нет, а я все не могу избавиться от привычки прятать шнурки внутрь ботинок и отодвигать тарелки от края стола.

У него часто выпадали усы, и я находила на полу длинные белые стрелы. Недавно заметила под креслом одну такую и обрадовалась – кот приходил! – забыв на мгновение, что он умер четыре года назад.

Конечно, это оказался просто высохший стебелек, вдруг просиявший в солнечном луче.

Мне хочется думать, что ушедшие любимые иногда посылают нам весточки. У них там сложности со связью, они вынуждены обходить главного ангела по цензуре, и потому их послания бывают загадочны и мало напоминают письма. Но тот, кому адресовано, поймет. «Мне хорошо здесь, я по-прежнему усат и прекрасен, не скучай, не плачь, не плачь».

Я сохранила стебелек на полке.

В начале весны на моем пороге объявился гость. Безухий бродяга с жилистым телом и совиными глазами. Он сидел под кустом чубушника, когда я вышла с мусорным ведром, и канул в темноту, едва я шагнула к нему. Но вечером снова

возник на крыльце. Длинный, как у ящерицы, хвост свисал с перил. Кот горбился и смотрел исподлобья.

Я вынесла ему овсяной каши, в которую покрошила курятину. Бродяга дождался, пока я отойду, и с рычанием ринулся в миску, как коршун на добычу.

С тех пор он навещается раз в пару дней.

Я не стала придумывать ему кличку. Мы даем имена, чтобы присвоить того, кто их носит, сделать частью своей жизни. Дожив до семидесяти, я пришла к тому, чтобы дать не только себе свободу от других, но и другим свободу от себя. Пусть даже этот кто-то – всего лишь бездомный кот.

5

Между коттеджем Мансуровых и соседним есть тропа, выводящая к лесу. Каждый день, если позволяет погода, я хожу этим путем. Сперва вдоль забора меня встречают одичавшая малина, полынь и светло-желтые мордочки львиного зева под ногами, чуть поодаль – душистая земляника. Идешь – и долговязый дудник распахивает над головой белые зонтики, возле которых вьется безобидная мошкара, а мышинный горошек, обвивший штакетник, кивает синими головками. На опушке пламенеет одинокий куст барбариса, дозорный на границе лесных владений. А за ним – просторная дубрава, где заросли сныти в тенистых овражках, и папоротники, и лещина с гроздьями молочных орехов и тяжелыми,

как рыбацья сеть, паутинами.

Ах да, и клещи.

В среду утром я выпила свой чай с булочкой, дошла до тропы и в недоумении остановилась. Проход между заборами был перегорожен оцинкованным профнастилом.

– Стучать не надо! – громко отозвались с крыльца.

Поверх забора на меня смотрел Антон Мансуров.

– Это ваших рук дело? – растерянно спросила я.

– Надоело, что все таскаются мимо. – Он спустился и подошел к приоткрытой калитке. – Все же любопытные! Всем поглядеть надо, что у нас в саду. А мне, может, голышом гулять хочется.

– Но это не ваша территория! Это общественная! Такой же проход есть возле Тетериных, спросите у любого, вам скажут...

– А мне зачем спрашивать? – Мансуров искренне удивился. – Кому не жалко, что на него пялятся все кому не лень, тому флаг в руки.

– Так поменяйте забор на сплошной!

– Займусь этим на следующий год. А пока будет так.

На следующий год?

– Послушайте, это вопиющее безобразие, – гневно сказала я. – Вы не имеете права! Я пользуюсь этой тропой каждый день, чтобы выходить напрямую в лес.

Он пожал плечами:

– Пройдете по дороге.

– Но это лишний километр! Мне семьдесят лет, мне тяжело делать крюк...

Мансуров усмехнулся, глядя на меня сверху вниз. Похоже, я его забавляла.

– А в вашем возрасте нужно дома сидеть, – проникновенно сказал он. – Глядеть в окошечко и компрессы прикладывать к радикулиту, а не по кустам скакать, как коза. Все, Анна Сергеевна. Нагулялись.

Я молча смотрела на него, не в силах поверить, что действительно это слышу.

– Антон! – позвали из сада.

– Берегите себя, Анна Сергеевна, – с ухмылкой пожелал Мансуров и ушел.

Я осталась стоять возле грязно-зеленого заграждения, ощущая себя одновременно маленькой, как трехлетняя девочка, и очень-очень старой.

6

Пару дней спустя Мансурова заставили вернуть все в прежнее состояние. Кто-то пожаловался, и он решил не обострять конфликт. Меня не оставляло ощущение, что все происходящее – начало чего-то большего, чего-то очень нехорошего, и что этот бессовестный человек, уступив, все равно рано или поздно возьмет свое.

Вернее, присвоит чужое.

Тропа была свободна, но я больше не гуляла по ней. Не могу толком объяснить причину. Меня одолевали глупые мысли: хозяин коттеджа сидит в засаде и ждет, когда я пойду мимо, чтобы...

Чтобы что?

Снова унижить меня? Поставить в глупое положение, и впрямь выйдя голым мне навстречу, со своей нагловатой ухмылкой?

Смешно, но я последовала его совету: три дня просидела перед окном, невидяще глядя сквозь стекло. И не написала ни строчки!

За последние пять лет я прерывалась единственный раз – когда меня свалил грипп. Болезнь превратила меня в тряпичную куклу. Я не смогла бы поднять даже зубочистку, не говоря уже о ноутбуке.

Ноутбук – мое самое ценное приобретение, во всех смыслах. Один взгляд на него наполняет мое сердце гордостью не меньшей, чем испытывает мальчишка, выкатывая во двор новенький велосипед с хромированными деталями. Серебристый, плоский, легкий – вещь из будущего. Когда я беру его в руки, вместо дамы, хм, элегантного возраста возникает историк, ученый, ассириолог, специализирующийся на эпохе Урук и ранних династиях. Мой многолетний труд посвящен возникновению восточных семитов в Нижней Месопотамии. Какое удивительное время, и сколь мало нам, потомкам, известно о нем!

Ассириология – моя непреходящая страсть. Знали ли вы, что аккадский язык – самый древний из письменно зафиксированных языков? Третье тысячелетие до нашей эры! Я могу часами рассказывать о силлабо-идеографическом клинообразном письме (как видите, моя область интересов простирается довольно широко). Сумир и Аккад! Я вывожу происхождение восточных семитов не к северной Аравии, как утверждается в трудах большинства моих коллег, а на территорию современной Сахары.

Мое исследование не произведет переворота в науке. Полагаю, оно останется практически незамеченным. Горстка увлеченных студентов да таких же архивных мышей, как я, обсудит монографию. Но мои семиты бредут через пустыню, кожа их смугла, бороды курчавы, ноздри их вдыхают запах верблюжьего навоза, путь их лежит в шумерскую долину и дальше, дальше – в поселок Арэфьево, где в две тысячи восемнадцатом году от Рождества Христова я иду за ними следом и дышу одним с ними воздухом. Они здесь. Это я привела их сюда, их существование длится, они живее меня и непреложно бессмертнее.

На книжной полке в гостиной стоят четыре фигурки, вырезанные из кости, которые когда-то подарил мне муж. Три из них – маленькие копии статуэток молящихся – из Эшнунны, из храма Аб-у. Четвертая – моя любимая: сановник Эбих-Иль. Это адорант, фигурка, которую ставили в храме, чтобы она молилась за принесшего ее человека, и потому ру-

ки у Эбих-Иля сложены на груди в молитвенном жесте. Алебастровый оригинал находится в Лувре. Он довольно велик – пятьдесят два сантиметра в высоту. А мой персональный Эбих-Иль всего с пол-ладони. Он сидит в своей меховой юбке, и на губах его играет чудесная улыбка, насмешливо-отрешенная, словно он не паломник, а сам божок, все понимающий о нас.

Если бы Мансуров не оскорбил меня, я бы не застыла у окна на три дня – в точности как Эбих-Иль, только без намека на улыбку.

Если бы я не застыла у окна, я не увидела бы того, что произошло.

7

Автомобиль Мансурова – «Тойота», черная гора сверкающего на солнце металла. Подземный гараж по весне затопило, и он оставляет ее перед домом. Тем вечером он вернулся из города (я машинально отметила, что часы отбили пять) и скрылся внутри.

Вскоре на дороге появился отпрыск Коростылевых.

Его велосипед вихлялся из стороны в сторону, звонок дребезжал козлиным фальцетом, катафоты вспыхивали в лучах вечернего солнца.

Коростылев мчался к реке.

С этим юношей у нас натянутые отношения. Я много раз

просила его не гонять перед моими окнами, особенно после того, как он ухитрился задавить курицу. Меня не волнует судьба глупых птиц, но по соседству обитает коротконогий мопсик, вернее, мопсица по имени Тяпа, смешное и трогательное создание. У нее умный живой взгляд, она любопытна, добродушна, не обидела в своей жизни даже букашки и преданно любит свою хозяйку. У меня есть тайная мечта – однажды поцеловать ее в нос, похожий на большую черносливину.

Тяпа часто выбирается из подворотни и валяется на обочине, в пыли, почти не различимая издалека.

Отпрыск Коростылевых не внял моим увещаниям. Если цитировать дословно, он сказал: «Все будет норм, бабуля!»

Тяпа, как обычно, заняла свое место и дремала, не слыша ни дребезжания звонка, ни шуршания шин. Коростылев летел прямо на нее. Я махала руками и кричала через окно – но что толку! В последний момент он заметил собаку, завопил, вильнул рулем, и его вынесло с дороги на траву. Глядя, как он кубарем катится в лопухи, я испытала легкое злорадство. Велосипед ударился о борт машины и отлетел в кусты.

Переднее колесо транспортного средства еще вращалось, когда на крыльцо вышел Мансуров.

Он неторопливо спустился к «Тойоте» и осмотрел ее.

Не знаю, что заставило меня встать и выскользнуть из дома. Нога побаливала, но я добралась до дороги, остановилась возле куста и встала так, чтобы он закрывал меня.

– Ай, молодец, – громко сказал Мансуров. Голос у него был веселый и как будто чем-то довольный. – Сам встанешь или помочь?

– Сам. Ой, блин! Рука!..

– Ободрал, – посочувствовал Мансуров. – Ложку до рта донесешь, как думаешь?

Коростылев засопел и не ответил.

– Ну, ножки-то не повредил? Ходят ножки-то? – голос Антон по-прежнему был до странности ласков. – Топай ими сюда и смотри. Это – что?

– Это – что? – глупо повторил парень.

– Царапина. А вот это что?

Коростылев молчал. Я выглянула из своего укрытия: оба стояли перед машиной, наклонившись.

– Это вмятина, – удовлетворенно сообщил Мансуров. – Резюмирую: ты помял и поцарапал тачку стоимостью четыре ляма.

Я ахнула про себя.

– Знаешь, во сколько обойдется ремонт? Молчишь? И я не знаю. Может, выправят, а может, дверь под замену. – Он выпрямился. – Как договариваться будем?

– Понятия не имею, – растерялся Коростылев. – Слушайте, извините! Я не специально! Извините, пожалуйста.

– Да я тебя прощаю! – махнул рукой Мансуров. – Не в этом дело. Ущерб надо возмещать, гонщик ночных дорог.

– Я возмещу...

– Не ты, а твои папа с мамой. Ага?

Мансуров потер лоб. Я наблюдала за ним, с каждой секундой убеждаясь, что все происходящее на моих глазах, – игра и притворство. Он с первого взгляда на машину знал, во что обойдется ремонт.

– Договоримся таким образом, – сказал он, помолчав. – Предоставлю тебе выбор. Вариант первый: мы сейчас оформляем ДТП, затем твои родители компенсируют мне затраты...

– Или? – вскинулся парень.

– Или я тебе даю в морду, – буднично сказал Мансуров.

Коростылев, кажется, решил, что ему послышалось. Во всяком случае, он молчал очень долго.

– Зачем вы даете мне в морду? – спросил он, наконец.

– Объясню. Если отпустить такого, как ты, за тебя заплатят папа с мамой, поругают тебя, а может, наоборот, пожалеют: сынок ушибся, испугался, у него моральная травма... И станешь ты гонять как ни в чем не бывало. А если связать твой проступок с физическим наказанием, попросту говоря, с болью, у тебя в головушке на подкорке отложится, что ездить нужно аккуратно. И бережно относиться к чужому имуществу. Поговорку «за одного битого двух небитых дают» придумали очень, очень умные люди. Битые, кстати, если уж о том зашла речь. Получается, я теряю в деньгах, но опосредованно влияю на уровень безопасности на дорогах. На тех самых дорогах, по которым я сам езжу.

Это звучало довольно-таки убедительно. Но я знала, что вся его проникновенная речь – вранье, вранье от начала до конца. Он просто-напросто хотел врезать мальчишке.

– Согласен, – сглотнув, сказал Коростылев.

– Уверен? Не хочу на тебя давить.

– Уверен.

Я начала подниматься, чтобы пресечь это безобразие, и тут раздался звук, как будто кто-то коротко чавкнул, а затем вскрик. Коростылев покачивался, прижав к лицу ладони. Изпод них струилась кровь.

– Вы мне нос сломали! – гнусаво крикнул он.

– Скажи спасибо, что не шею, – ответил Мансуров.

И ушел.

Коростылев посмотрел на свои ладони и снова потрогал нос. Хныча и что-то бормоча, он поднял велосипед и медленно покатыл его в сторону дома.

8

В тот же вечер я постучалась в дверь Коростылевых. Открыл мне его отец.

– Здравствуйте!

– Добрый вечер, Андрей Семенович.

Он отдыхает в поселке не больше пары недель в году, а в остальное время хозяйством заведует мать его жены, молчаливая нестарая женщина. При ней круглый год живет узбек

с собакой. Когда выпадает снег, узбек приходит ко мне расчищать дорожки. Все зовут его Женей, но при первой встрече я спросила, как его настоящее имя. Он замялся, однако все-таки сказал: «Сардоржон». Изредка Сардоржон помогает мне по хозяйству. Но обычно это делает Прудников. Без Яна мне пришлось бы тяжело.

– Андрей Семенович, мне необходимо побеседовать с вами с глазу на глаз.

Мы ушли в беседку за дом, и я пересказала ему все, что видела, стараясь придерживаться фактов и не давать эмоциональной оценки, как ни трудно было удержаться. Повествование мое получилось коротким.

Андрей Семенович выслушал, не перебивая, и только переспросил, правда ли его сын согласился получить по физиономии.

– Мне кажется, он не ожидал, что это будет так... так сильно, – сказала я.

– Тимофей соврал, что неудачно упал с велосипеда. Мать поехала с ним в травмпункт. Спасибо, что пришли с этим ко мне.

В его глазах застыл невысказанный вопрос.

– Про такое должны знать, – объяснила я. – Это возмутительный поступок, просто ужасный! Я не желаю, чтобы этот человек устанавливал здесь свои порядки и чувствовал себя безнаказанным.

– Я понимаю, – кивнул Коростылев. – Понимаю.

Однако в действительности он не понимал.

Дело было не только в том, что Мансурову хотелось почесать кулаки. О нет! Коростылев-младший сам должен был просить его об этом, и настоящее удовольствие Мансуров получил не в тот момент, когда нос паренька хрустнул под его кулаком, а тогда, когда тот смиренно согласился с его макиавеллевскими доводами. Он убедил жертву, что она виновна и заслуживает наказания.

Я хотела с кем-то разделить это знание.

Но, поговорив с Андреем Семеновичем, осознала, что оно ему ни к чему. Довольно будет и того, что он выступит на защиту своего сына. На это я надеялась всей душой.

9

Скандала не получилось. Коростылев-старший обратился в полицию с заявлением об умышленном причинении вреда здоровью, но был уверен, что дело переквалифицируют в административное.

– У Тимофея даже нет сотрясения мозга, – сказал он, зайдя ко мне. – Похоже, Мансуров отделается штрафом в десять тысяч. Побои нынче не очень дороги.

В магазине продавщица разговаривала с покупательницей.

– И правильно врезал! – в сердцах говорила первая. – Гоняют как сумасшедшие! А если ребенка задавит? А если

кошку?

– Это на кого еще надо было в полицию заявлять – большой вопрос! – поддакнула вторая.

Я хотела вмешаться и объяснить им, что бить нельзя никого, тем более шестнадцатилетнего подростка, но вспомнила, как переживала за Тяпу, и отчего-то промолчала.

Общественное мнение определенно было на стороне Мансурова.

Этим дело не кончилось. Младший Коростылев прибежал к моим соседям и объявил, что я рассказала о случившемся его отцу. «Я не предатель! – вопил он на весь двор. – Это бабка – трепло!»

Я не стыдилась сделанного и, уж конечно, не намеревалась скрываться. Но мне невольно подумалось, что сломанный нос – слишком легкое наказание для этого юноши.

Мансуров дождался меня у калитки, когда я возвращалась из магазина.

– Я не пойму, Анна Сергеевна, – задумчиво начал он, – вы за все хорошее против всего плохого или у вас персонально ко мне есть какие-то счеты? Иными словами: идейная ли вы стукачка? Или так, сиюминутно, по велению души?

– Дайте мне пройти.

– Коммунистические идеалы не дают спать спокойно! Понимаю.

– Вы лицо мальчику разбили!

– Мальчики в детском саду в горшок писают. А это –

взрослый пацан, придурок и лоботряс.

Обидно, что в глубине души я была согласна с Мансуровым. Что не отменяло подлости его поступка.

– Может быть, мне вы тоже хотите сломать нос? – не удержалась я.

– А поможет? – без улыбки спросил Мансуров. Оценивающим взглядом прошелся по моему лицу и направился к себе.

10

После этого разговора на некоторое время установилось перемирие. Мансуров вел себя прилично, здоровался при встрече и как-то раз даже отогнал от моего сада стаю бродячих псов, проявив удивительное бесстрашие. Бродячая собака – существо, лишённое всего собачьего, как бы странно это ни звучало. Злобные отродья едва не разорвали Тяпу! Слава богу, она успела шмыгнуть в палисадник, где я поливала цветы. Мы с ней оказались в положении жителей города, осажденного армией, и каждый враг жаждал нашей крови, рыча и лая за калиткой.

Но тут явился Мансуров, бросился на вожака и дважды огрел его поленом. Тот кинулся прочь. За ним ретировались и остальные.

– Анна Сергеевна, путь свободен! – Антон отвесил шутливой поклон.

– Спасибо... – неловко пробормотала я в ответ.

– Всегда рад помочь соседям!

Еще и подмигнул.

Крокодил! Крокодил против стаи шакалов на берегу реки.

Наташа на две недели уезжала в город вместе с ребенком и не была свидетельницей этих событий. Я никак не могла познакомиться с Лизой: девочка была то ли диковата, то ли крайне стеснительна и не показывалась на глаза. Интересно, доложил ли Мансуров жене о том, что происходило в ее отсутствие?

Однажды я узнала, что у них разные фамилии. Выяснилось это случайно: Наташа зашла ко мне, возвращаясь с почты, и я прочитала на конверте другое имя. Меня это не на шутку удивило. Мне казалось, что и Мансуров не тот человек, чтобы позволить жене оставить хоть что-то свое, и Наташа слишком тиха и влюблена в него, чтобы настоять.

– Белоусова, – сказала она, стеснительно улыбаясь. – Я никогда не отказалась бы от этой фамилии. Больше не осталось носителей, я последняя из нашего рода.

– Вы росли одна?

– С братом. Он пропал, когда мне было пятнадцать. Я долго надеялась на его возвращение, но прошло слишком много времени, чтобы можно было продолжать в это верить.

– Пропал? – изумилась я.

Ее личико без улыбки выглядело несчастным.

– Мы жили в Щедровске, я, папа и Максим. Однажды

Макс сбежал... его вынудили обстоятельства... и не вернулся.

— А папа?

— Папа погиб.

Я всплеснула руками. Господи, еще и сирота!

— Бедная вы моя...

— У меня есть Антон и Лиза. — Она задумчиво смотрела в окно. — А теперь и этот дом. Он такой огромный и запутанный! Жаль, пока не удастся восстановить оранжерею. Остекление стоит безумных денег...

Чем дольше я присматривалась к этой девочке, тем больше проникалась к ней симпатией. Да, она из тех, кто возьмет с книжной полки не Вирджинию Вульф, а Пауло Коэльо. И что же! Зато ей в голову не придет учить соседского подростка зуботычиной.

Стоило мне подумать о ней, и Наташа возникала неподалеку, но не раньше и не позже. Люди подобного рода никогда не потревожат вас. Когда они рядом, их будто нет, но стоит им исчезнуть, и вы каждую минуту ощущаете их отсутствие. Не вспоминаете, нет-нет; просто чувствуете, будто вам чего-то не хватает, — точно ветерка в знойный день.

Она приносила пироги, которые пекла сама, и покупала мне в городе книги. Она расспрашивала меня о моей жизни, и, кажется, ей действительно было интересно слушать. При готовности общаться она вовсе не была болтлива и обладала бесценным умением молчать так, что это не тяготило себе-

седника.

Казалось, все идет хорошо.

Но какой-то червячок по-прежнему точил меня, и страх, который я испытала, увидев их на пороге своего дома, время от времени возвращался.

А седьмого августа случилось то, что положило конец нашей спокойной жизни.

11

Изредка меня мучает бессонница. Эта ночь выдалась из тех, когда не принадлежишь ни сну, ни яви, а барахтаешься в вязком киселе полудремы.

Промаявшись до утра, я выползла наружу. Тихо, прохладно. Трава в росе.

Из-за поворота появился Мансуров с корзиной в руке. Я и не знала, что он грибник! Увидев меня, он сделал движение, будто собирался развернуться, но было поздно.

– Доброе утро, Антон!

– Рановато вы, Анна Сергеевна, – подойдя, сказал он.

– Но до вас мне далеко.

– Да, решил пробежаться с утречка по ближним рощицам, до жары. Лето грибное в этом году.

– Неудивительно – дожди!

– Вот и я говорю: дожди...

От нашей светской беседы повеяло абсурдом.

Полная доверху корзина была покрыта тряпицей.

– Хорошие грибы, чистые? – спросила я.

– Да так, сыроежки, подберезовики... Всего хорошего, Анна Сергеевна.

Мансуров сделал шаг к дому, и я неожиданно для себя самой дернула за край лоскута. Тряпица сползла. Трофеи моего соседа открылись как на ладони.

Сверху действительно были навалены подберезовики и маслята. Но под ними, среди сыроежек, бросалась в глаза нежно-зеленая шляпка на длинной ножке с муаровым узором. Я пригляделась и ахнула: под ней лежала еще одна. Бледные края шляпки, насыщенный оливковый цвет в центре – этот гриб опытному человеку невозможно спутать ни с каким другим.

Amanita phalloides, бледная поганка.

Смертельная доза для взрослого человека – треть шляпки.

– Что... что это у вас... вы с ума сошли? – забормотала я.

– В чем дело?

– В вашей корзине бледные поганки!

– Ну, это вряд ли, – добродушно улыбаясь, сказал Мансуров.

– Да вот же они!

Я выдернула корзину из его рук, сама удивляясь неизвестно откуда взявшейся силе, и ткнула ему в нос поганку.

– Разуйте глаза!

– Это разве поганка? – удивился Мансуров. – Опята же.

– Опята?!

Под возмущенный крик Мансурова я вывалила содержимое корзины на траву.

– Сдурели вы, что ли?! Я их два часа собирал!

– Их нельзя есть! Они лежали по соседству с ядовитыми грибами! Вы идиот, если не понимаете элементарных вещей! А ведь у вас ребенок... нет, это просто невозможно...

– Чего вы сразу психуете! Такие все нервные, блин, плюнуть некуда...

Он согласился уничтожить грибы. Надел перчатки, сгреб их в пакет и вынес его к мусорным бакам. Оттуда пакет на моих глазах загрузил в кузов мусоровоз. Теперь я могла быть спокойна.

– Если вы не понимаете, какие грибы ядовиты, а какие нет, какого лешего вы их собираете? – Я была ужасно расстроена.

– Ну, бывает, ошибся. – Мансуров виновато улыбнулся.

Я не раз замечала, что его улыбка располагает к нему людей. Но на меня она не действует. Я проглотила рвущиеся с языка гневные слова и ушла к себе.

Бледные поганки, подумать только! Надеюсь, приготовлением грибов занималась бы его жена. Наташа опознала бы эту гнусь.

Так я ей и сказала, когда она заглянула ко мне в тот же день.

Она неожиданно смутилась.

– Антон не хотел, чтобы я обсуждала с вами эту тему. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

– Но здесь и нечего обсуждать. – Я старалась подбирать слова помягче. – Вашему мужу не нужно собирать грибы, он их плохо различает. Это не преступление. Многие люди совершенно не разбираются в цветах и травах, которые нас окружают... Или взять деревья...

– Антон – грибник с большим стажем, – почти сердито перебила меня Наташа. – Анна Сергеевна, я знаю, вы недолюбливаете его. Но, ей-богу, здесь вы не правы. Он не какой-то городской дурачок, который не отличит мухомор от волнушки. Это я в них ничего не понимаю, у меня зрительная память плохая, мне покажи двадцать раз белый груздь – я на двадцать первый скажу «лисичка»! А Антон... у него не так! Он каждый год собирает грибы, сам чистит, а я только жарю и ем.

– А ваш муж? – зачем-то спросила я.

Наверное, мне уже был известен ответ.

– Антон грибы не любит. – Наташа рассмеялась. – То есть любит только ходить за ними. Говорит, его увлекает процесс, а результат ему неинтересен. У меня папа был такой же: помидоры в теплице выращивал всем соседям на зависть, а сам в рот их не брал.

– Там были бледные поганки, – тихо сказала я.

Она ласково коснулась моего плеча.

– Ну, нет больше грибов – и бог с ними. Лучше яблок

поесть. Они и полезнее.

Я видела, что она мне не верит. «Дура слепощарая, ни бельмеса не видит без очков, – наверняка сказал ей муж. Я буквально слышала его голос. – Прямо психанула, прикинь. Ну, выкинул к черту всю корзину. Жалко – а что делать! Если у нее кукушечка улетает, такое соседство, знаешь, не радует».

И добрая Наташа, конечно, оценила его благородство. Добрая Наташа поцеловала его, а потом они занялись тем, чем занимаются любящие друг друга муж с женой, пока их девочка спала в своей комнате, а после завтракали на веранде и больше не вспоминали про старуху паникершу из дома напротив.

Вот откуда взялся мой страх. Стоило сообразить раньше! Ведь я ни разу не испытала его, встречая Мансурова одного, без жены. Только в те минуты, когда я видела их вместе, меня охватывал тихий ужас, который я старательно вытесняла на границу неосознанного, а он все пытался выползти обратно на свет, чтобы я наконец рассмотрела его и поняла причину.

С самого начала я боялась не Мансурова. Я боялась за Наташу.

Глава 2

Сыщики

1

– Мой сосед планирует убить свою жену, – сказала старуха.

Бабкин не записывал, потому что смотрел во все глаза.

На его памяти это был первый человек, которому Илюшин уступил свое кресло. Ярко-желтое канареечное кресло с высоким подголовником, купленное год назад за такие деньги, что Сергей, узнав цену, смог только выдавить: «Я бы тебя согласился на коленях держать за вдвое меньшую сумму».

Никто до старухи не додумался попросить Макара пересест из него. Никому такое просто не приходило в голову.

А ей пришло.

– Макар Андреевич, не считите за каприз, голубчик: уступите мне ваш дивный ортопедический бержер. Буду вам чрезвычайно признательна.

И Макар Андреевич встает как миленький и послушно пересаживается в кресло для клиентов, хорошее, добротное, молчаливое кресло, а не этот... трон.

Теперь на троне восседала новая клиентка.

Она ему не подходила, точно советская кукла, упакованная в чрезмерно роскошную коробку из-под дорогой немецкой фрау. Не престарелая королева – всего лишь ухоженная старая женщина: тщательно завитые седые волосы, искусственный румянец, светло-голубые глаза за стеклами очков, увеличенные диоптриями. Брючный костюм, и на ногах – ядовито-зеленые кроссовки, своей амортизационной подошвой раздавившие продуманный образ почтенной дамы. Она готовилась к встрече, подумал Бабкин, делала укладку, деликатно нарумянила щеки, достала из гардероба забытый на много лет пиджак, – на плечах заломы от вешалки, от которых не избавиться даже парогенератором, – но вот обувь надела удобную, ту, от которой не болят ноги.

Женщина ее возраста никогда не купила бы такую модель. Дети привезли? Скорее, внуки.

– Отличные кроссовки, – одобрил Илюшин.

Она улыбнулась и сразу помолодела.

– В самом деле? Я долго выбирала. Были еще красные, но я решила, что красный в моем возрасте выглядит кричаще.

Сама выбрала? Не пенсионерские черные боты с тупыми носами, не широкие туфли на плоском ходу, а дикие зеленые кроссы, которые сам Бабкин не решился бы надеть, чтобы не выглядеть глупо в свои сорок с лишним лет?

Старуха поймала его изумленный взгляд и улыбнулась шире.

– Когда и носить такое, как не в моем возрасте, правда?

Никто не подумает, что у меня плохой вкус, – все спишут на маразм!

В голосе ее прозвучало неподдельное веселье.

Бабкин смутился. Макар Илюшин захохотал.

– Анна Сергеевна, расскажите, пожалуйста, про соседа, – попросил он, отсмеявшись.

Она сразу стала серьезной.

– Мансуровы поселились в поселке чуть больше месяца назад. Они купили коттедж, который стоит напротив моего дома. Наш поселок – это бывшие мосфильмовские дачи. Мой дед получил там дачу в тридцать девятом году, он был художник на киностудии, лауреат Сталинской премии первой степени.

Илюшин нахмурился.

– Подождите... Ваш дед – Бережков?

– О, как приятно, что вам знакомо его имя! Да, Иван Давидович.

– Я слышал, это он – автор идеи поместить «Рабочего и колхозницу» на заставку Мосфильма.

Анна Сергеевна улыбнулась и покачала головой:

– Выдумки нашего времени. Кстати, вы знаете, что для заставки Мухина изготовила маленькую гипсовую скульптуру? Да-да, это копия. Но я отвлеклась. Мне сразу бросилась в глаза какая-то странность в отношении Мансурова к жене... Нет, не так. – Она задумалась. – Что-то плохое ощущалось рядом с этой четой, но поначалу я списывала это чувство на

неприязнь к молодому человеку. Буквально с первого дня он вел себя грубо, некрасиво... А затем мне на глаза случайно попала корзина с грибами, которыми он собирался накормить Наташу. И там были две бледные поганки. Я решила, что Мансуров просто не знает, что именно он сорвал и несет домой, однако позже выяснилось, что он опытный грибник. А сам не ест грибов.

– И вы полагаете, – прищурился Илюшин, – что он хотел отравить жену?

– Жену, да. А может быть, и ребенка.

– Расскажите о них, пожалуйста.

– Жену зовут Наташа Белоусова, она родилась и выросла в Щедровске. Замуж вышла рано. По образованию – медсестра, но последние пять лет не работает. Она упоминала, что ее отец погиб, а брат пропал без вести, но я не знаю подробностей.

– У вас есть предположения, зачем мужу нужна их смерть?

Бережкова покачала головой:

– Ни малейших. Они выглядят благополучной семьей. Я ломала себе голову, но так ничего и не придумала. Для этого вы мне и нужны. Вас рекомендовал мой друг... Он говорит, вы беретесь за поиски пропавших людей. Я хотела бы нанять вас, чтобы вы отыскиали мотив для убийства. Видите ли, Наташа мне не верит.

– Так вы пытались предупредить ее?

– Да. Когда я поняла, что Мансуров готовит убийство, я прямо сказала ей об этом. И она...

Бережкова замялась.

– ...она сочла вас сумасшедшей, – закончил за нее Макар.

– Немножко чокнутой, – грустно улыбнулась старуха. – Бедная девочка хорошо ко мне относится. Но она любит мужа и, разумеется, верит ему, а не соседке. Собственно говоря, она задала мне тот же вопрос, что и вы: «Зачем бы ему это понадобилось?» Мне нечего было ответить. В самом деле – зачем? Насколько мне известно, она сирота, у нее нет собственности, которую он мог бы унаследовать. Но я хочу, чтобы вы это проверили.

– Вы не допускаете мысли, что он психически болен?

Она покачала головой:

– Мансуров более чем нормален. У него есть план, поверьте, и план хорошо продуманный. Он жестокий, умный и хитрый человек. Но не безумец.

2

Когда старуха ушла, Бабкин отложил блокнот и повернулся к Макару.

– Отравление грибами – один из самых глупых способов убийства, о которых я слышал. Отвезут жертву в больницу, промоют желудок, и проживет она еще тридцать лет и три года. Если хочешь избавиться от человека, есть простые пу-

ти. Здесь что-то не сходится.

– Да, все это звучит странно, – согласился Илюшин.

Он пересел в свое кресло и закинул ноги на стол.

– Кресло правда ортопедическое? – спросил Бабкин.

– Допустим.

– А почему мне не сказал? Я думал, ты выбрал его за цвет, и сомневался в твоём душевном здоровье.

– Я выбрал его за цвет, – рассеянно подтвердил Илюшин.

Он уставился в приоткрытое окно. Бабкин подошел,глянул вниз.

– Бабуся садится в такси, между прочим. Из чего я делаю вывод, что зеленые кроссовки она надела не из необходимости, а по зову души. Занятная тетечка.

– Слово «погиб» обычно употребляют, когда говорят о насильственной смерти, – сказал Макар.

– Что?

– Что касается соседа, напрашивается самое простое объяснение, – вслух размышлял Илюшин, игнорируя Бабкина. – Он действительно нес домой ядовитые грибы, но никакого умысла у него не было. Сорвал по рассеянности. Или у него ухудшилось зрение. Все остальное старушенция напридумывала. Старики часто обвиняют во всех смертных грехах тех, кто им несимпатичен. Однако у Бережковой ум ясный, рассуждения здравые...

– ...на первый взгляд, – закончил за него Сергей. – Семьдесят лет со счета не сбросишь.

Илюшин покивал и вынул из ящика планшет.

– Давай для начала выясним, что за люди эти Мансуров и Белоусова. Что-то мне подсказывает, что сюрпризов можно не ждать.

Спустя три дня Сергей Бабкин положил на стол тоненькую папку.

– Все, что удалось найти, – пожал он плечами в ответ на вопросительный взгляд Макара.

– Антон Иванович Мансуров, двадцать девять лет, воспитанник детского дома в Щедровске, – читал Илюшин. – Это где такой город?

– Сорок километров от Костромы. Если ты спросишь меня, где Кострома, я ударю тебя в живот.

– У меня нет живота, – обиженно пробормотал Илюшин, но на всякий случай отодвинулся. – Так, так... это ясно... это мы уже знали... Технический колледж, бывший монтажный техникум... О, перевелся в Политех! Дельный парень, хвалю. Женился, переезжал из города в город, добрался до Москвы... Мелкий предприниматель, сам перегонял машины и перепродавал, затем открыл мастерскую. Место удачное, дело быстро пошло... Через год – вторая, и в июне две тысячи восемнадцатого купили дом в Арефьево. Так, а что с супругой?

– Страницу переверни.

– А, вижу. Наталья Белоусова, родилась и выросла в Щедр-

ровске, старший брат – Максим Белоусов, пропал без вести в две тысячи шестом. Мать умерла через год после ее рождения. Отец погиб в том же две тысячи шестом... Ограбление?

– Ограбление и убийство. Убийцу взяли, он сидит.

– Так, а осиротевшая Белоусова закончила медицинский колледж в Костроме, вышла замуж за Мансурова и переехала в Москву. Родила дочь в две тысячи тринадцатом. Домохозяйка. Это точно все?

– Что тебе еще нужно? Обычная семья, каких тысячи.

– Ага. А на досуге глава семьи увлекается сбором бледных поганок.

– Ты зря не поинтересовался, была ли Бережкова в очках, когда встретила соседа, – парировал Бабкин. – Она плохо спала, вышла утром, чтобы проветрить голову... Умножь физическое состояние на возраст и подумай, кто из них, вероятнее, ошибся: молодой парень-грибник или подслеповатая, плохо себя чувствовавшая старушка.

– Убедил! – Илюшин захлопнул папку. – Отправляйся в Арефьево, понаблюдай за нашим героем.

Бабкин закатил глаза.

– Ты еще в обморок брякнись, – ласково посоветовал Макар. – Помнишь, Луиза Лавальер у Дюма только и делала, что теряла сознание, когда ей не хотелось с кем-то общаться?

– Если бы я следовал ее примеру, я бы из обморока вообще не выходил, – с той же интонацией ответил Бабкин. – Так бы и лежал у тебя на ковре, раскинувшись.

– Какое мерзкое зрелище!

– Кстати, никакой Луизы Лавальер я не припомню.

– Фаворитка короля. Три года твержу: читай продолжение «Трех мушкетеров». «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон»... Ах, поистине великая сага!

– Великая Сага – это Сага Норен, – буркнул Бабкин. – Все, я поехал в Арефьево.

Илюшин одобрительно посмотрел на него:

– Я вижу, пристрастие Маши к сериалам не прошло для тебя бесследно. «Мост» ты уже изучил. Хочешь, расскажу, чем кончится «Игра престолов»?

– Я тебя тогда распилю на части и выложу из них сложную фигуру на Крымском мосту, – пообещал Бабкин. – Уверен, что не поедешь со мной в Арефьево?

– Один справишься. К тому же я страшно занят.

Когда дверь за напарником закрылась, Илюшин посвистел себе под нос, повторил: «Страшно, страшно занят!» – и включил сериал «Мост».

3

В поселок Сергей Бабкин въехал не на своей машине, рассудив, что черный внедорожник будет бросаться в глаза, а на арендованном «Хендае». После десяти километров проселочной дороги седан покрылся густым слоем мягкой, как пух, пыли.

Арефьево было названо так же, как деревня, неподалеку от которой в тридцатых годах и выделили территорию под мосфильмовские дачи. Бабкин оставил машину перед магазином, а сам пошел по главной улице, крутя головой. Таких мест в Подмосковье он, пожалуй, не встречал.

Здесь сохранились старые дома, выстроенные больше полувека назад. Актерские дачи – с мезонинами, с балконами, с просторными верандами, опоясывающими постройки, и флигелями. «Неплохо жили», – подумал Бабкин, помнивший унылые бабушкины рассказы о садовом товариществе. Высокие сосны, роняющие негустую тень, яблоневые сады, сирень за легкими палисадами.

Здесь хватало и угрюмых каменных коттеджей, выстроенных по проектам бездарных архитекторов. Большие участки распродавались наследниками, порезанные на куски, как пирог, и на каждом куске возводились новыми владельцами аляповатые замки и крепости.

Коттедж Мансуровых был из вторых и был бы вызывающе уродлив, если бы фасад его не прятался за покрывалом девичьего винограда. Смотреть здесь было не на что. А вот перед дачей Бережковой Сергей невольно замедлил шаг.

Красно-коричневые бревна, потемневшие от старости, тяжелые резные ставни. Рассохшиеся балясины широкого крыльца увиты нежной плетистой розой. Дом был величественен, избыточен, как престарелая актриса, продолжающая играть роль и вне театральных стен.

За потрескавшимися мутными квадратами стекол на веранде Бабкин разглядел бесконечно длинный ветхозаветный буфет.

Он не мог представить, как удастся Бережковой одной управляться с этой машиной.

Следующие четыре дня Сергей наблюдал за перемещениями Мансурова. Ночевал Бабкин в хибаре на окраине поселка: комнату сдал ему без всяких расспросов хозяин, небритый старик с колючим взглядом.

Ничего интересного в жизни объекта не происходило. С утра он уезжал на работу, вечером возвращался, по дороге заехав в супермаркет. У него не было любовницы, он не встречался с друзьями. Он даже не пил.

Его жена проводила дни, занимаясь домом, садом и ребенком. У нее была своя машина, маленький красный «Пежо», обвешанный знаками «Внутри ребенок», который она водила очень осторожно. Они ужинали вместе и, уложив девочку, по вечерам прогуливались до реки и обратно.

К концу недели уставший от бессмысленной слежки Бабкин купил себе пива. Владелец комнаты драл с него втридорога за свой продавленный диван, но Сергей все равно добавил в корзину бутылочку армянского коньяка для старикана – просто так, без всякого расчета.

Его небольшой подарок преобразил старика. Из сумрачного хрыча он превратился в радушного хозяина, разговор-

чивого, а главное, наблюдательного.

Оставалось навести его на разговор о новых жителях поселка.

– У нас тут такие коллизии случаются! Давеча один тип парнишке рыло начистил. За что? Тот ему машину поцарапал. Нет, не нарочно, зачем нарочно... По дурости.

Бабкин с огромным интересом выслушал историю о ссоре пришедшего человека и старожила и почти не удивился, услышав фамилию «Мансуров».

– А заложила его соседская бабка, – охотно рассказывал старикан. – Старухи – они только с виду слепые и глухие, а сами-то видят побольше твоего.

Сергей подумал, что ни глухой, ни слепой Анна Сергеевна не выглядит. Стал расспрашивать о ней еще – и выяснилось любопытное.

4

– Бережкова в нешуточной ссоре с Мансуровым, – сказал он, позвонив наутро Илюшину. – Тут до уголовного дела дошло, а она нам словом не обмолвилась.

Он пересказал то, что узнал от хозяина.

– Я тут еще кое-кого поспрашивал, представился покупателем недвижимости. Вроде бы Бережкова писала жалобу на нашего предпринимателя: он перекрыл проход возле своего дома. Она устроила скандал, хотя непонятно, какое отноше-

ние этот проход имеет к ней, если ее дача на противоположной стороне улицы. Кроме того, по слухам, у них вышла ссора из-за отстрела то ли кабанов, то ли кроликов... Старуха, похоже, из породы сумасшедших зоозащитниц. Откуда вообще она взялась?

Илюшин озадаченно похмыкал в трубку.

– У моего хорошего приятеля был преподаватель физики, Прудников, – по его словам, человек, заслушивающий всяческого уважения. Прудников обратился к бывшему студенту за помощью для своей подруги, а тот вывел на меня.

– А за работу подруга нам платит? – заподозрив неладное, спросил Бабкин. Вид бережковской дачи навел его на мысль, что у старушки нет лишних денег.

– Ну-у-у... – протянул Илюшин.

– Я тебя убью!

– Твоя жена призывала нас жертвовать на благотворительность? Считаю, я прислушался.

– Она предлагала возить корм и лекарства в собачий приют! – взвыл Бабкин. – А ты на неделю сослал меня черт знает куда! Оторвал от семьи, от ребенка...

– Твоему ребенку восемнадцать лет, – хладнокровно заметил Илюшин. – И это не твой ребенок. Или ты усыновил Костю?

– С чего бы мне его усыновлять? У него родной отец есть, который о нем заботится. Вон, в Берлин его повез, на концерт «Рамштайн».

– Умеет Маша выбирать мужей, – одобрительно сказал Макар.

Бабкин задумался, считать ли это комплиментом, но спохватился.

– Зубы заговариваем? Благотворительствуем за чужой счет? Вот сам бы и ехал сюда, спал в яме, укрывался лапником.

– Командировочные расходы будут полностью оплачены из частных взносов пожертвователей, – успокоил Илюшин.

– Каких еще пожертвователей?

– Меня. Разве мог бы я отправить тебя вкалывать бесплатно?

– От тебя всего можно ожидать, – проворчал Бабкин, успокаиваясь. – Так я могу сворачиваться? Бережкова славная старушенция, но дело ясное: на почве конфликта с новым соседом она выдумала его покушение на супругу. Мансуров действительно не самый приятный человек. А для нее так и вовсе невыносимый.

– А жена? – спросил Илюшин.

– Тихая, милая. Но она сирота, наследства нет и не будет, и за эти дни она выезжала с территории поселка лишь затем, чтобы отвезти ребенка на кружок пения. Если ты предполагаешь мотив мести за измену, нужно устанавливать основательную слежку. Минимум на месяц.

Макар молчал так долго, что Сергей подул в трубку и сказал:

– Раз-раз, проверка связи.

– Дежурь еще неделю, – прорезался Илюшин. – Можешь заглянуть к Бережковой, чтобы не скучать.

Бабкин заскрипел зубами, но Макар уже отключился.

5

Разговор с клиенткой оказался напрасным. И нового не выяснил, и старуху восстановил против себя.

– Вы мне не верите? – сверкала голубыми глазами за стеклами очков Анна Сергеевна. – Удивительное предубеждение для человека вашего возраста! Признайтесь, вы на стороне Мансурова лишь потому, что он молод.

– Я не на его стороне...

– Нет уж, позвольте угадать! Я обвинила соседа в убийстве, поскольку он мешал мне ходить привычной тропой, не так ли?

Сергей маялся и не знал, куда деться.

– Ждите здесь! Я вам кое-что покажу.

Хозяйка ушла, шаркая тапочками. Чтобы занять себя, Бабкин стал рассматривать статуэтки на каминной полке. Его внимание привлек забавный сидящий человечек с ухмылкой на бородатом лице. Сергей сжал его в ладони, и тут за спиной позвали:

– Глядите же!

Он вздрогнул, словно его застали за чем-то неприличным,

и бородач сам собой скользнул в карман.

– Вот, полюбуйтесь! – Бережкова держала раскрытый справочник грибов. – Здесь на одной странице опять и бледные поганки, именно для сравнения, это очень удобно. Как по-вашему, можно их спутать, если вы не новичок?

– Анна Сергеевна, я ведь не об этом!

– Тогда мне неясна цель вашего визита. Да, я не стала упоминать о наших отношениях с Мансуровым, чтобы вы не заподозрили меня в предвзятости. Это было правильное решение! Теперь вы приписываете мне бог знает какие мотивы...

– Анна Сергеевна!..

– ...и не отдаете себе отчета в том, насколько это оскорбительно!

– Анна Сергеевна, послушайте!..

– Ян Валерьевич описал вас как людей чрезвычайно умных, незашоренных, способных на оригинальные решения... Не считите за грубость, но разве соответствует ваш подход к делу этой характеристике?

– Дело не в том, чему я соответствую, – сказал Бабкин, потеряв терпение, – а в том, что ваш сосед за неделю с лишним не дал ни одного повода подозревать его в чем-то, кроме ухода от налогов. Он даже не изменяет жене. Простите, мне пора.

– Значит, расписываетесь в собственном бессилии? – вслед ему крикнула старуха.

Сергей аккуратно прикрыл за собой дверь. Провел ладо-

нюю по перилам и коротко зашипел, уколотившись о розовый побег. Тьфу, черт! Все здесь против него. Ногу бы не сломать на провалившейся ступеньке. Вся эта хоромина на ладан дышит.

О человечке в кармане он позабыл.

6

Семь дней.

Протянуть семь дней.

Бабкину было не привыкать к однообразной работе, но впервые за много лет он был вынужден заниматься делом даже более бессмысленным, чем слежка за спящим котом. На кота хотя бы приятно смотреть. Рядом с котом не глотаешь дважды в день дорожную пыль. Не нужно уминать себя в тесную коробчонку машины. Диван, на котором спал Сергей, с каждой ночью проваливался все глубже, приобретая сходство с панцирными кроватями из его пионерского детства, и сны на нем снились Бабкину скверные, заполненные чьими-то горластыми детьми и злыми собаками.

К его облегчению, последние три дня из семи, назначенных Илюшиным, Мансуров провел в поселке. Сергей совершенно расслабился. Мансуров устроил песочницу для дочери, привез из леса какую-то зеленую колючку и вкопал перед домом. Трижды ходил в магазин, возвращался с желтыми шарами дынь-«колхозниц». По утрам бегал вдоль реки в

наушниках. Вечерами сидел в саду, потягивая пиво.

Пару раз он прошел близко от машины, из которой Бабкин вел наблюдение, но подержанный «Хендай» его не заинтересовал: Мансуров скользнул по водителю безразличным взглядом и отвернулся.

7

– Как все прошло? – спросила Маша, когда Сергей вернулся домой.

– Ванну мне! – простонал Бабкин. – Чашечку кофе! Какаву с чаем!

Жена, смеясь, поцеловала его.

– Измучился?

– Будь проклята жизнь на лоне природы и Илюшин вместе с ней. – Он заперся в ванной и через дверь крикнул: – Если когда-нибудь Макар начнет втирать тебе про благотворительность, убей его скалкой.

Несколько дней спустя, разбирая вещи, Сергей наткнулся на фигурку в кармане джинсовой куртки. Несколько секунд он непонимающе глядел на нее, а затем вполголоса выругался.

Старуха и так о них дурного мнения. А теперь он еще и вор.

– Что-то не так? – спросила Маша, взглянув на его лицо.

– Придется ехать в Арефьево.

Бабкин отыскал номер Бережковой и позвонил, настроившись на тяжелый разговор.

Телефон старухи не отвечал.

«Абонент временно недоступен», – услышал он два часа спустя. И вечером. И на следующее утро. Человечек с бородой насмешливо и многозначительно смотрел на Бабкина большими темными глазами.

8

– Макар, мне нужен номер того преподавателя, который сосватал тебя Бережковой.

– Зачем? – удивился Илюшин.

Выслушав объяснение, он вздохнул и достал телефон.

– Ян Валерьевич, здравствуйте! Это Макар Илюшин, частный детектив. Да... да. Ян Валерьевич, вот какое дело: никак не получается дозвониться до Анны Сергеевны. Не могли бы вы... Что?

Бабкин вздрогнул и поднял на него глаза.

– Примите мои соболезнования, – медленно сказал Илюшин. – Но при каких обстоятельствах?.. Понимаю. Да. Простите.

Он положил телефон на стол.

– Что у них произошло? – резко спросил Бабкин. – Макар!

– Три дня назад в поселке случился пожар, – ровным голосом сказал Илюшин. – Дом Бережковой сгорел дотла.

– Где она сама? В больнице?

Илюшин молча покачал головой.

– Господи... – выдохнул Бабкин.

Он посмотрел на фигурку бородача, которую держал в ладони. Маленький человечек безжалостно улыбался.

Глава 3

Анна Сергеевна Бережкова

1

С первого взгляда эти двое не показались мне людьми, заслуживающими доверия. С первого, я подчеркиваю, взгляда!

Разве можно было присылать на такое деликатное дело этого, простите, дуболома. Что он может понимать в психологии убийцы!

Но как выяснилось, я тоже мало что в ней понимала.

Вечером следующего дня ко мне зашел Мансуров. Я открыла дверь, не подозревая плохого, скорее взвинченная, чем расстроенная. Тогда мне казалось, что неудавшееся расследование – всего лишь первый блин, который вечно получается комом, и мне нужно только найти правильных людей, чтобы вывести Мансурова на чистую воду. И еще, если говорить начистоту, я чувствовала себя очень умной и хитрой. Как охотник, поставивший капкан на крупного хищника.

Мансуров прошел в комнату и без разрешения снял с полки старинную керосиновую лампу, доставшуюся мне от дедушки. Я не пользуюсь ею, хотя она в рабочем состоянии. Мне нравится изящная стеклянная колба, напоминающая

бутон, и латунный корпус.

Мой гость щелкнул по чаше.

– Сейчас же поставьте на место! Вы ее разобьете!

Он прислонился к дверному косяку и, глядя на меня сверху вниз без улыбки, процитировал Хармса:

– Долго учат лошадей делать в цирке чудеса. Мы же наших лошадей обучаем в полчаса. – И без перехода добавил: – Что-то мне подсказывает, что вы, Анна Сергеевна, абсолютно необучаемая коняга.

– В чем дело? Что такое?

– Начали с кляуз, закончили слезкой. Ни стыда, ни совести.

Он вытащил из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист, развернул и протянул мне. Я уставилась на две знакомых физиономии, не в силах выговорить ни слова.

– И нет бы профессионалов нашли! – Мансуров брезгливо подергивал передо мною мятым листом с фотографиями, распечатанными из интернета. – Но ведь сыщик ваш – полное говно.

Возражать было глупо.

– Зачем вам частные детективы, Анна Сергеевна? Что такого вы хотите обо мне узнать, чего бы я сам вам не рассказал?

– Я хочу узнать, зачем вам убивать собственную жену.

Слова сорвались с моих губ раньше, чем я успела подумать.

Мансуров замер.

Дом, мой дом, который никогда не был мне другом, моя крепость на вырост, королевство во главе с самозванкой, вздрогнул и пришел в движение. Заскрипели массивные шкафы, выстраиваясь в оборонительный рубеж, взмыла с пола стая паркетных дощечек, и сквозняки, сухие звонкие сквозняки закрутили их в воздухе, создавая вокруг меня хрупкий кокон. Тяжелая бабушкина люстра предупреждающе запела в высоту. Он оказался умнее меня, мой старый дом, который я ненавидела столько лет.

И он ничем не мог мне помочь.

Раньше я не видела Мансурова по-настоящему. Только слепец мог счесть себя охотником, расставляющим ловушки, только самонадеянная старуха, законсервировавшаяся в своем укрытии на двадцать лет, не знающая ничего, кроме имен трав, чужих богов и несуществующих городов.

Должно быть, мой маленький Эбих-Иль хохочет сейчас надо мной с каминной полки.

– Круто-круто-круто, – без всякого выражения проговорил Мансуров.

Его взгляд сфокусировался на чем-то за моей спиной. Но я не могла обернуться, чтобы посмотреть, что он там увидел, просто была не в силах. Казалось, пока я держу его взглядом, он ничего со мной не сделает.

Мансуров наконец перевел глаза на меня. Он тоже выглядел так, словно увидел меня впервые, вот только в его взгляде

де читалось не удивление, а прагматичная озабоченность, как если бы покупателю в рыбной лавке вместо знакомой форели предложили бог знает что со щупальцами и он прикидывает, сумеет ли приготовить к ужину это непонятное и на вид малосъедобное.

– До свиданья, Анна Сергеевна. Дай вам бог здоровья, если в магазине нужно что купить, только скажите, мы же соседи, нам друг с другом надо дружить, мы иначе не приучены...

В тот момент я расценила его слова как издевку, но позже поняла: они вообще не несли семантической нагрузки, Антон просто заполнял ими вакуум. Он мог бы цитировать Лермонтова или читать программу телепередач, но ближе всего лежали общеупотребительные формулы вежливости.

2

«Он знает, что я знаю». Наш разговор испугал меня, но и принес облегчение: вряд ли Мансуров тронет Наташу, пока существую я: человек, не сводящий с него пристального взгляда.

Телефонный звонок застал меня врасплох.

– Приеду сегодня вечером, – сообщила Лида. – Ты здорова, надеюсь?

У меня есть две близких подруги, Лида Ежова – одна из них. В моем возрасте слово «подруга» означает женщину,

которая помнит меня пятилетней. У нас с Лидой не слишком много общего, но я привязана к ней; так привязываются к вещи, которой уже не пользуются, но которая хранит в себе слишком много воспоминаний, чтобы расстаться. Лида никогда не спрашивает о моих планах и с детским простодушием полагает, что я воспринимаю ее как избавление от скуки.

Как и я, она одинока. В ее квартире всегда включен телевизор: даже ночью поет ей страшные колыбельные о мировом кризисе, терроризме и повышении пенсионного возраста. Лида и у меня пыталась насаждать свои порядки. Обычно я отступаю перед ее натиском, но тогда встала насмерть.

Лет десять назад она начала выпивать, и пришлось ввести второе правило: в моем доме действует сухой закон. Это понравилось ей еще меньше.

Иногда мы пытаемся рассказывать друг другу новости по телефону. «Что у тебя?» – спрашивает она. И невозможно объяснить, что вечером сидишь на крыльце и, щурясь, смотришь, как меняется цвет листьев, когда солнце движется по небосклону; что бродячий кот вчера замурлыкал первый раз и позволил себя погладить; что вечером над флоксами поднимается сладкое облако и путешествует по саду. «Да все по-прежнему, – отвечаю я. – Калоши вон прохудились, надо новые купить».

После обеда пошел дождь. Я убрала с крыльца обувь и стала ждать.

Такси не приехало ни в семь, ни в восемь. Уже стемнело, когда я заметила за окном покачивающуюся фигуру возле калитки.

– Лида!

С ее легкого пальто ручьями стекала вода. Я привела бедняжку в дом; от нее сильно пахло спиртным.

Из сбивчивого рассказа стало ясно, что Лида, памятуя о запрете, прихватила из дома бутылочку портвейна и выхлестала ее в такси, пока они ехали из Москвы. Она назвала водителю ошибочный адрес и тот, проплутав, в конце концов обозлился и высадил пьяную старуху на окраине поселка. Лида плохо помнила, где я живу, а под дождем и вовсе не узнавала знакомые места; телефон у нее разрядился, а попросить временного приюта в первом попавшемся доме ей не пришло в голову.

– Лида, ты хуже ребенка, ей-богу!

Я принесла свою пижаму, помогла ей переодеться. Ее трясло как в лихорадке, и меня охватило раздражение: она воровала у меня три августовских дня, лесных и яблочных, заполненных книгами и любимой работой. Вместо этого я буду возиться с простуженной насмерть старухой.

Мне вспомнилась одна знакомая, которая в пятьдесят лет неожиданно для всех заявила, что с этого дня будет делать лишь то, что считает нужным. Она работала бухгалтером, отличалась полным отсутствием чувства юмора и производила впечатление человека основательного и скучного. Вряд ли кто-то принял ее слова всерьез. Но первое, с чего она начала, – запретила многочисленным провинциальным родственникам останавливаться в ее столичной квартире. «Хочу быть одна». И с легкостью выставила заявившегося без звонка племянника – парень понадеялся, что у нее не хватит на это духу.

Родственники смертельно обиделись, но ее это, кажется, ничуть не взволновало.

Где-то в Тверской области у бухгалтерши был деревенский дом, где проводили лето ее родители. Однажды к ее маме приехала школьная подруга – толстая, одышливая, насквозь больная; из тех несносных пожилых женщин, что всегда ведут себя с непосредственностью маленьких девочек. Гостья потребовала, чтобы ее отвели в лес. «Я десять лет мечтала о походе за грибами!» Родители твердили, что окрестные леса опасны, в них легко потеряться даже опытным местным грибникам. Сами они, люди городские, его попросту боялись. Гостья не желала слушать. Она оделась, взяла без спросу корзину. Что им было делать? В последний момент с ней отправили дворового пса – умнейшую собаку, когда-то подобранную бухгалтершей у помойки.

Подруга обещала вернуться через час, но не пришла ни через два, ни через три. Уже подняли тревогу и начали организовывать поиски, когда бедняга приковыляла – уставшая, до смерти перепуганная. Она заблудилась. В двух шагах от дороги лес окружил ее, завлек в чащобу.

Вывел ее пес. Проблуждав с ней два часа, залаял и побегал в ту сторону, куда она сама никогда бы не пошла. Следом за ним страдалица и выбралась к деревне.

Узнав о случившемся, бухгалтерша приехала к родителям, без лишних разговоров посадила ошеломленную толстуху в такси и отправила домой. «Вам здесь больше не рады», – сказала она на прощанье.

Большинство наших общих знакомых ее осудило. А я позавидовала. Мне никогда не хватило бы духу выгнать гостя, который ведет себя по-свински и приносит мне одни тревоги; я буду молча злиться, но терпеть.

Вот и с Лидой оставалось лишь стиснуть зубы и молиться, чтобы мне послали еще чуточку смирения.

Высушив волосы, она намазала лицо толстым слоем сметаны («чтобы кожа была молодой!») и расположилась на диване перед телевизором.

– Аня, я сериал посмотрю?

Комната наполнилась гнусавыми голосами. Не могу взять в толк, отчего в исполнении молодых российских актрис даже королевы говорят с интонациями попрошаек.

Несколько секунд я была близка к тому, чтобы последо-

вать примеру бухгалтерши. Но после всех этих хлопот с переодеваниями, с поисками лекарств, с беготней вокруг Лиды у меня совершенно не осталось сил. Когда живешь один, привыкаешь к молчанию как к чему-то естественному. Мне не хотелось разговаривать, не хотелось просить ее ни о чем. Я чувствовала себя так, словно неделю провела в плацкартном вагоне, забитом орущими пассажирами.

– Смотри фильм, я скоро вернусь.

Лида раскашлялась и махнула рукой.

Я вышла на крыльцо. Дождь закончился, Арефьево окутали сумерки.

Неторопливо уходя в глубь сада, я размышляла, как поступить, чтобы трехдневный отдых Лиды не превратился для меня в испытание. Все-таки я дичаю... Выбираю между ролью мямли и сатрапа, когда нужно всего лишь заново установить свои правила.

– Мягко, но непреложно, – пробормотала я.

Ах, какая же это радость – друзья, с которыми не нужно устанавливать правил! Лида всегда воспринимала ограничения как покушение на ее свободу. И вот она смотрит телевизор в моем доме, а я неприкаянно брожу по саду.

Возвращаться не хотелось.

Спустя полчаса я спохватилась, что мое отсутствие выглядит попросту неприличным.

– Лида! – окликнула я, закрывая за собой дверь.

В комнате нервно бормотал телевизор.

– Будешь чай с травами?

В кулаке я сжимала мокрые веточки мяты, сорванные в саду.

Нет ответа.

– Лида, ты спишь?

Я вошла в комнату и остановилась. Мигал голубой экран, и в контровом свете склонившаяся на спинку дивана женская фигура выглядела не спящей, а мертвой.

Мята выпала из моих пальцев. Я кинулась к Лиде, принялась тормошить. В голове в такт быстрым ударам сердца билось «инфаркт-инфаркт-инфаркт». Что нужно делать при инфаркте?

На дороге заурчала машина, мазнула коротко по окнам фарами, и этого хватило, чтобы я увидела: Лида мертва. Ее глаза, все в красных прожилках, как переспелые крыжовины, смотрели в потолок с бессмысленным удивлением. Застывшая корка сметанной маски пошла трещинами и начала осыпаться, как известка.

– Господи... Лида!

Я прижала пальцы к ее сонной артерии, заранее зная, что не услышу биения пульса, и в ужасе отдернула руку. По шее тянулась тонкая багровая линия.

До меня донесся скрип калитки. Слава богу, люди! Я кинулась к дверям, но что-то заставило меня бросить взгляд в окно.

Это был Мансуров. Он держал в правой руке детское ве-

дерко, ярко-красное ведерко. Вид у него был собранный и деловитый.

Ведерко отчего-то ужаснуло меня даже сильнее, чем мертвое тело моей подруги. Я оцепенела и только смотрела, как сосед приближается, неся его на отлете.

Шаги на крыльце. Не осознавая толком, что делаю, я схватила со стола ноутбук и попятилась.

– Где-то тут я тебя видел... – негромко сказал Мансуров.

У меня подкосились ноги.

– Давай, покажись...

Нет, он говорил не со мной, а что-то искал и думал вслух, как человек, глубоко погруженный в свое дело. Если я выдам свое присутствие, он меня убьет. Кричать? Мой голос слаб; да и кто меня услышит...

Прижимая к себе ноутбук, я скользнула в соседнюю комнату. Оттуда – в коридор и на цыпочках вдоль стены добралась до черного хода.

– А, вот и ты! – донесся до меня веселый голос.

И вдруг я поняла, что именно он искал. Стало ясно, зачем ему ведерко и что в нем.

На заднем крыльце хранится запасная пара калош. Ноги у меня ходили ходуном, и я испугалась, что не смогу обуться, но мне и в голову не пришло выпустить ноутбук. Я держала его крепче, чем мать младенца.

Человек, убивший мою подругу и убивающий в эту минуту мой дом, затих внутри. Я знала, что он делает. Открывает

газовый баллон на кухне; сначала вентиль идет туговато, а затем легко, даже слишком легко.

Это может показаться странным, но я спасала не себя. Я пыталась уберечь от смерти свою монографию, труд, посвященный древнему народу. Исчезни книга – и меня настигнет небытие; мои следы на песке сотрет равнодушная волна. Память сильнее смерти, но от меня не останется памяти.

Так что в руках у меня был не раскладной компьютер, а железный сундук, в котором заяц хранил в себе утку, утка – яблоко, а в яблоке была спрятана игла – мое бессмертие.

Я наконец справилась с калошами и побежала так быстро, как только могла – мимо флоксов, мяты и роз, задевая мокрые кусты жимолости. Я бежала, не оглядываясь. Со стороны, должно быть, это выглядело смешно: ковыляющая старуха, хватаящая воздух ртом. Но мне казалось, я летела – летела прочь, унося свое единственное сокровище.

Сначала до меня донеслись испуганные крики, и только потом – страшный звук. Мой дом крепился сколько мог, он держался, не призывая меня, давая мне возможность уйти. Начни он кричать раньше – и кто знает, хватило бы мне сил покинуть его. Но старые стены затрещали лишь тогда, когда огонь подобрался к крыше.

Я перешла вброд подсохшее болотце и спряталась в перелеске. Из-за деревьев мне было видно, как пламя охватило весь дом. Он горел легко и весело. Грохотало, взрывалось искрами над рухнувшими балками и ухало. Кто-то кричал

страшным голосом, перекрывавшим даже шум пожара, чтобы обливали деревья и забор: огонь не должен перекинуться на соседние дома. Мансуров тоже был там. Конечно, я не могла разглядеть издали, что за люди суется вокруг дедушкиной дачи, но знаю точно, что был.

Машины пожарной службы приехали, когда тушить было уже нечего. Старый дом превратился в золу и дым; дым стелился над землей и где-то за пределами поселка медленно тянулся в небеса.

К полуночи все стихло. Пришла ночь и подоткнула синее одеяло своим неразумным детям. Только сейчас я заметила, что стою в одной калоше: на правой ноге болтался мокрый носок. Она утонула в жидкой грязи; болото взяло у меня свою дань.

Надо было идти к людям, но я медлила. Давай же, выбирайся из леса! Объяви, что жива, расскажи о том, что случилось!

Я подбадривала себя, зная, что ничего подобного не произойдет.

Дело было в калоше.

Выйти к людям растрепанной старухой с грязной босой ногой? Я представила, как бреду по дороге, выискивая светящиеся окна, как меня облаивают собаки... Ох, нет! Об этом будут рассказывать! А вдруг меня сфотографируют? Чей-нибудь сын или внук-подросток не удержится от искушения запечатлеть старое чучело и выложить в сеть. Боже, какой

стыд...

Мои рассуждения показывают лишь одно: я была не в себе. Но в тот момент мне казалось, что я соображаю на редкость здраво.

Что же мне делать?

Удивительно, как тончайшие, еле видимые нити нашего прошлого сплетаются, чтобы проложить канатную дорожку над бездной. Невозможно узнать заранее, из чего она возникнет и возникнет ли вообще. Знания, казавшиеся ненужными, случайно брошенные фразы, чужие истории, забытые воспоминания...

Я сижу с дедом на берегу реки. Плакучие ивы полощут в быстрой воде свои ветви. Их листья и сами похожи на рыбок, узких рыбок с серебристыми спинками; они смешливо шелестят на ветру.

– Забрасывай плавно, веди руку вот так, вот так...

От поплавок расходятся круги.

Большая рука деда на моем плече. Под коленкой чешется комариный укус. На всей земле нет никого, кроме нас двоих, бережно укрытых пологом ветвей, и молчаливой рыбы в речной глубине.

Поплавок резко дернули с нашей стороны мира туда, в водяное зазеркалье.

– Анята, клюет!

Мы опускаем одну за другой в ведро плотвичек и серди-

то раздутых ершей, золотых губастых карасиков и длинную, как ножик, чехонь, отливающую на солнце стальным блеском. На исходе часа дедушка вылавливает язя с алыми плавниками.

– Когда мы поймаем большую рыбу? – спрашиваю я.

– Сом? Щуку?

Я не знаю, как выглядит сом. Мне хочется выудить такую шипастую зверюгу, чтобы пришлось нести ее вдвоем, чтобы меня фотографировали для газеты, как дедушку, чтобы мама с папой восхищались бы, и все соседи тоже. Я – маленький бездарь в талантливой семье. Вслух так никто не говорит, конечно. «У ребенка пока нет выраженных способностей». Это «пока» дает мне шанс – по правде сказать, ничтожный. Дедушка в семь лет уже чертил планы крепостей, а мне в девять не удастся даже нарисовать кошку так, чтобы ее не приняли за бегемота.

– Самая хитрая рыба живет знаешь где? – спрашивает дед. Глаза его загадочно блестят. – Под корнями. Да-да, прямо здесь.

Я смотрю под ноги. Крепкие ивовые корни держат нависающий над рекой берег, держат меня и деда. Под ними, там, куда не заглянешь и не забросишь удочку, подводная нора, а в норе сидит огромный сом. Никто его не отыщет!

От восторга и ужаса у меня захватывает дух. Так бывает на качелях, когда взлетишь высоко-высоко.

– Мы его поймаем?

– В другой раз, мой милый.

Дедушка гладит меня по голове.

Я знаю, сом – под нами. Слышит, как проседает под нашей тяжестью сырая почва. Все мои знания о мироустройстве растворяются, точно хлебный шарик в воде, и на целую неделю моим сознанием завладевает геоцентрическая система мира. К черту черепаху! К черту слонов! Мы все плывем на спине гигантской рыбы, что шевелит усами и беззвучно хохочет, разевая зубастую пасть. Солнце вращается вокруг рыбы, и звезды, и я вращаюсь тоже.

Через неделю дедушка принесет с мусорной кучи двух ежат, и я позабуду о рыбалке. Но пока мой хитрый сом прячется там, где никто не догадается его искать.

Я сняла вторую калошу и швырнула ее, не целясь, в сторону болота. Затем подняла ворот поношенной фланелевой рубашки и побрела, подслеповато вглядываясь в траву под ногами, к коттеджу Мансуровых.

4

Никто не знает, на что в действительности способен. Крадясь в темноте по чужому саду, я полагала, что меня убьют холод и страх. Моя подруга была мертва, мое пристанище – уничтожено. Бог мой, мне семьдесят лет! Старость – это беспомощность, а беспомощность – это гибель.

Но, оказавшись под окнами Мансуровых, я забыла о возрасте. У меня внезапно появился союзник, и этим союзником был большой уродливый коттедж.

Упоминала ли я, что он велик? Его строили в расчете на две семьи. Но владельцы исчезали, а их длинноногие жены сменялись хваткими бабами с прищуренными глазами – в точности как у собаки Сардоржона, когда она грызет кость. Наконец в коттедж въехал восточный человек в пестром халате до пят, назвавшийся почему-то Ильей.

Одна из его красавиц готовилась к поступлению в институт и договорилась, что я позанимаюсь с ней историей. Я взялась за это не ради денег, а исключительно из любопытства. В этом отношении мы с лисой похожи; но у меня все-таки хватило смелости приблизиться.

Девушка оказалась упорна и сообразительна. Думаю, за свои девятнадцать лет она повидала намного больше, чем я за шестьдесят. Она частенько говорила глупости, но при этом была умна – такое встречается редко, обычно-то бывает наоборот. Всю жизнь мне попадались ученые дураки, которые умели расцветить свою речь поистине незабываемыми афоризмами. Но вот беда – они были глупы, глупы как пробка из-под шампанского, и в подметки не годились молоденькой содержанке богача, закончившей только среднюю школу.

Мы занимались три месяца. Потом дела восточного человека стали нехороши. Его прекрасные яркие птички разле-

телись из гнезда, и девушка, которую все называли Стефанией, исчезла тоже. Мы не успели даже попрощаться. Но два года спустя на моем пороге появился ящик с книгами. В основном там были альбомы по искусству русского авангарда, который я очень люблю. «От вашей Тани», – было написано на обычном тетрадном листе, – и больше ни слова.

Обычно мы занимались полтора часа, с перерывом на пятнадцать минут. Пили чай, разговаривали. И бродили по большому запутанному дому.

Иногда ты понимаешь, чем занимался на самом деле, только спустя годы.

Десять лет назад я полагала, что мы изучали сераль, пока дождь держал нас взаперти.

Сейчас я бы сказала: мы готовились спасти мне жизнь. Могу поклясться, что знаю внутренности этого кита лучше, чем нынешние хозяева.

Хлопнула створка. Я слышала спокойный голос Мансурова и плачущий – Наташи. Они были в столовой, окнами выходящей в сад.

Не дав себе времени подумать, я обошла коттедж, поднялась на крыльцо и толкнула дверь.

В поселках вроде нашего хозяева запираются на засов, только когда ложатся спать. Какому вору придет в голову лезть в дом, где все бодрствуют?

Но я-то не вор!

Я поднялась по освещенной лестнице, на самом верху

оглянулась и с ужасом увидела грязные следы. По ступенькам как будто кикимора прошлепала! В любую минуту из столовой мог выйти Мансуров или его жена; пришлось быстро спускаться, хватать с вешалки первую попавшуюся тряпку – ею оказалась детская кофточка – и протирать пол.

Голоса зазвучали громче. С удивившим меня саму хладнокровием я тщательно вытерла верхнюю ступеньку и сунула испачканную кофточку за пазуху. Прости, маленькая Лиза, мне она нужнее, чем тебе.

– ...сейчас спущусь, – закончил фразу Мансуров.

На втором этаже царила темнота. Здесь ему не увидеть мои следы.

Добравшись до последней комнаты, я толкнула дверь, но безуспешно. Шаги на лестнице были слышны все отчетливее – Мансуров приближался. Открывайся! Дверь не поддавалась. Я нажала сильнее и влетела внутрь, едва не упав. Нотбук почти выскользнул из рук, я поймала его в последний момент.

В лунном свете гардеробный шкаф у стены показался мне двухместным гробом. Дверцы тихо скрипнули, и мне навстречу из бархатистой темноты, дохнувшей сухой лавандой, метнулся седовласый призрак. Я зажала рот ладонью и отшатнулась. Призрак сделал то же самое.

Это было помутневшее зеркало.

Деревянное нутро шкафа рассохлось и поскрипывало; забравшись внутрь, я подумала, что так, должно быть, чувство-

вали себя данайцы, дожидавшиеся своего часа в гигантском коне.

Здесь хранили верхнюю одежду: мягкие кашемировые пальто, шубы в тканых чехлах, толстые дутые куртки, шуршавшие, как фольга, и разноцветные пуховики.

Самый длинный чехол я безжалостно распотрошила. Шуба полетела на дно шкафа. Вторым пало кашемировое пальто: я накрылась им, как одеялом, под голову положив меховой капюшон. О, какое блаженство – оказаться в тепле и в сухости!

Сгоревший дом, убитая Лида – все отступило далеко-далеко. Сейчас имело значение лишь одно: я жива и невредима.

И мой ноутбук спасен.

Чтобы не задохнуться, я немного приоткрыла дверцу. Мех подо мной грел не хуже печки.

Я прячусь в шубе, словно моль.

На меня вдруг напал смех. В это невозможно поверить, но лежа, скрючившись, в чужом доме, в чужом шкафу, среди чужой одежды, я хихикала, потому что вспомнила глупый эмигрантский романс.

– Я черная моль! – прошептала я. – Я летучая мышь! Вино и мужчины – моя атмосфера.

Сон навалился на меня, и все исчезло.

Когда я открыла глаза, было темно. У меня хорошее чувство времени; я знала, что проспала в шкафу не меньше четырех часов, значит, уже должно светать. Высунув голову наружу, я с наслаждением вдохнула свежий воздух.

Он был напоен влагой. За окном плотной стеной стоял дождь.

Я вылезла и начала потихоньку расправлять себя: сначала руки, потом ноги, и еще осторожно поворачать шеей, медленно-медленно, словно только что вылупившийся птенец. Птенец? Хорошо пожившая курица, которая едва уберегла себя от кастрюли с кипятком!

Невыносимо хотелось пить. Дома я протянула бы руку к тумбочке, на которой дожидается стакан с водой... Но дома больше нет. Позволь я себе задержаться дольше на этой мысли, Мансуров вскоре нашел бы меня на полу, бессильно рыдающей от горя. Нет, страдания для меня сейчас – непозволительная роскошь.

Маленькая кофточка валялась скомканной в дальнем углу шкафа. Осторожно приоткрыв створку окна, я выбросила мягкий розовый рукав на подоконник, дождалась, пока он как следует пропитается дождевой водой, и втянула обратно. Несколько часов назад она служила мне половой тряпкой, но чем больше отобрать у человека, тем менее требовательным

он становится. Выжимая из рукава воду в ладонь, подставленную лодочкой, я пила с таким же наслаждением, с каким до этого вдыхала свежий воздух.

Постепенно в голове прояснилось.

Вчера Мансуров убил мою подругу и поджег дом. Вернее, убил меня: так он считает. Удивительно, как легко у него все получилось. Дождаться буднего дня, когда из поселка разъезжаются люди, войти в дом соседки. Обнаружить, что старуха сидит перед телевизором, спиной к двери, и не слышит чужих шагов. Накинуть удавку ей на шею, подождать – и удалиться так же спокойно, как пришел. Откуда ему было знать, что на диване – не я. Все сухопарые седые старухи со спины похожи друг на друга, а маска из сметаны надежно скрывает черты.

Лишь одно оставалось для меня непонятным: отчего убийца сразу не взял с собой керосин?

Это ведь керосин был в ведерке. Чтобы избавиться от трупа, мой сосед открыл на кухне газ, поставил на плиту кастрюльку с супом, а на стол – зажженную керосиновую лампу, и сбежал. Ему нужно сказать мне спасибо: я следила за тем, чтобы фитиль был исправен. Люблю, когда вещи можно использовать по назначению.

Но эта лампа определенно не предназначалась для уничтожения моего дома. Если б у вещей была душа, призрак лампы являлся бы Мансурову во сне и чадил, пытая его дьявольским пламенем.

Взрыв был несильным. Но его хватило, чтобы старый деревянный дом сгорел дотла.

Думаю, я сразу знала, что останусь в коттедже. Знала уже тогда, когда ковыляла через сад, твердя себе, что мне нужен приют лишь на одну ночь.

Весь мой прошлый опыт подсказывает мне, что люди, подобные Мансурову, всегда выходят сухими из воды. Это нечто большее, чем везение. Расчетливый ум, обаяние – да, он чертовски обаятелен, просто не со всеми: это ресурс, который он не тратит без нужды на то, чтобы завоевать симпатию бесполезных черепах вроде меня. Но главное – бесстыдство и изворотливость! С него станется отыскать частных детективов, которые провалили задание, и добиться от них свидетельства, выставяющего меня безумной старухой с идеей-фикс.

Закончится тем, что в убийстве Лиды обвинят меня.

Есть и еще кое-что.

Я ведь не сошла с ума. Быть может, иногда я путаю дни недели, забываю, что хотела купить, и называю новых знакомых именами давно умерших людей. Но *действительно* важные вещи сохраняются неприкосновенными в моей памяти. Просто у меня расходятся с окружающими представления о том, что имеет значение. Бродячий кот, который приходит на мое крыльцо, ценен. И лиса ценна, и космеи, качающие разноцветными головками. Я никогда бы не перепутала удобре-

ния и не накормила бы kota протухшей курицей.

Мансуров хотел отравить свою жену. Мне никто не верит, но это так. Сейчас он затаится на время. Две смерти подряд могут навести людей на нехорошие мысли, к тому же он задается вопросом: вдруг я рассказала о своих подозрениях еще кому-то, кроме сыщиков?

Я не гожусь на роль ангела-хранителя Наташи. Ох, мне самой нужен ангел! Как бы мне хотелось, чтобы в тяжелых обстоятельствах рядом оказался правильный человек, – тот, кто ласково коснется моего плеча, поможет и даст надежду.

Но никаких правильных людей не будет. Я сама – этот правильный человек.

6

Дело в том, что карманные часы продолжают тикать, хотя я была уверена, что их стрелки прервали свой бег шестьдесят лет назад. А значит, мне нужно придумать что-то, чтобы молодая женщина осталась жива.

Может показаться, что я изъясняюсь сумбурно. Но, закрыв глаза, я могу ощутить тяжесть «луковки» в своей ладони. Цепочка, стекая меж пальцев, щекочет кожу. Часики-часики, золотая скорлупа... На выпуклой крышке гравировка: цветок лилии и три длинных, глубоко прорезанных листа. Если надавить на кнопчку под ребристой головкой, крышка отскочит и откроется циферблат.

Не хочу вспоминать часы. Прочь, прочь! Но из-под золотой крышки уже смотрит черный зрачок пруда. На одном берегу дача Лагранских, на другом березы и осины роняют желто-зеленые листья. Они плывут по широкой темной воде. Между ними скользит водомерка, за водомеркой слежу я, сидя на нижней ветке березы.

– Эй, девочка! – звонко кричит из окна молодая женщина. Надо лбом трясется пружинка тугого завитка, остальные волосы закручены на папильотки. – Девочка, иди сюда!

Когда Ольга Лагранская зовет, подойти откажется только дурак или слепой. У Лагранской маленький алый ротик сердечком, как у дамы червей, и глаза ярко-голубые, как у куклы. У меня тоже голубые, но самые обычные, блеклые, цвета речной воды. С такими глазами не берут в актрисы – это я понимаю уже в десять лет.

На афишах и в газетах она Ольга, а для нас, дачников, – Леля.

«Леля Лагранская» – повтори восемь раз, не запнувшись, и получишь в награду от деда «Мишку на севере». Бабушка ругается: «За скороговорки поощрять сладостями – безобразие! Пусть лучше яблочко съест, зубы целее будут».

– Как тебя зовут, девочка? – спрашивает Лагранская, свесившись из окна.

– Аня. – Я называла свое имя тысячу раз, но она все равно забывает.

– Анечка, котинька, ангел! Принеси мне от Гориных пла-

стинку!

Она может и не уточнять, о какой пластинке идет речь. Мы уже месяц слушаем Бернеса: «Я люблю тебя, жизнь!» Этим летом все словно с ума сошли по этой песне.

– А где ваша? – спрашиваю я. У Лагранских пластинок – тьма-тьмущая, своими глазами видела.

– Разбилась.

Леля смотрит на меня невинными голубыми глазами. Так глядят только отъявленные вруны. «Дядя Женя расколошматил», – понимаю я. Нам, соседским детям, известно о семье Лагранских гораздо больше, чем они подозревают.

– Я мигом!

Я мчусь как олень, нет, как ветер! Как сумасшедший олень, подхваченный ветром! Пыль от проехавшего мимо автомобиля забивает мне нос и рот, но какое это имеет значение, когда пять минут спустя драгоценная пластинка уже в моих руках.

– Не сломай, – наставительно говорит Надя Горина. Она тоже блондинка, но разве могут ее спутанные соломенные кудряшки сравниться с сияющим венцом над головой нашей Лели!

Я не устаиваю Горину ответом. Мне не до того. Теперь я – рядовой, несущий важное донесение своему генералу. Адьютанты убиты, оруженосцы ранены, офицерские лошади пали в бою, и вся надежда только на меня.

– Анюта, ты золото!

Лагранская смеется и целует пластинку. А потом манит меня пальцем и уходит вглубь комнаты.

Этот жест означает, что можно усесться на ее подоконнике и наблюдать, как она ходит и повторяет строчку за строчкой.

– Я люблю тебя, жизнь! – восклицает Леля. – Что само по себе и не ново! Я люблю тебя, жизнь! Я люблю тебя снова и снова!

Я обожаю нашу соседку, как только девочка-замарашка может обожать сказочную принцессу. Лагранская и есть воплощенная сказка, волшебство красоты, озаряющей нашу прозаическую жизнь. Она одаряет меня улыбкой, точно королева нищенку золотой монетой, и я становлюсь богаче всех в королевстве.

Но даже восхищение Лелей не мешает мне понимать, что Бернес поет эту песню намного лучше. Лагранская зачем-то прижимает руки к сердцу, сверкает глазами, «давит драму», как выражается отец. Бернес поет о мире, Леля – о себе. На строчке «мне немало дано» я не могу удержаться от смеха: актриса непроизвольно выпрямляет спину, и сразу бросается в глаза, что она и впрямь щедро одарена природой.

– Что ты зубы скалишь? Глупая обезьяна!

Лагранская кидает в меня домашней туфлей с меховым помпоном, и я сваливаюсь с подоконника – больше от хохота, по правде говоря, а не оттого, что меня сбивают, как кеглю.

Я лежу в траве на спине, и надо мной выплывает, как луна в небе, белое лицо.

– Ты не ушиблась? – озабоченно спрашивает луна.

Даже если бы я и ушиблась, я никогда не призналась бы в этом. Мне хочется геройствовать ради Лели и терпеть лишения. Какая жалость, что я не свалилась в крапиву!

– Подай туфлю! – Из сочувственного голос актрисы становится капризным. – Ты что, заснула? Неси ее сюда.

Когда с маленькой туфлей в руках, похожая на принца, разыскивающего свою Золушку, я перевешиваюсь через подоконник, Лагранской нет в комнате. Откуда-то из глубины дома раздается ее недовольное восклицание.

– Иду!

Пролетаю по коридору и оказываюсь в самой невероятной комнате, которую когда-либо видела.

– Это моя грим-уборная, – важно сообщает Леля. Похоже, она наслаждается выражением моего лица.

Створки огромного, как балльный зал, шкафа широко распахнуты. Внутри висят шелковые халаты, платья с лентами и платья, вышитые бисером, а в углу стоит и оценивающе смотрит – могу поклясться, что смотрит! – пышное бархатное платье, кроваво-красное с голубым отливом. Даже красота хозяйки тускнеет на фоне роскошных, как павлиньи перья, одеяний.

– Лелька! – зычно кричат от входной двери. – Где ты?

– Я здесь, котичек!

Лагранская вспархивает и исчезает.

В трельяже отражается моя ошеломленная физиономия.

У мамы есть красивые платья. Время от времени я украдкой забираюсь в родительскую комнату, чтобы понюхать мамины вещи и подержать в руках драгоценность: флакончик «Белой сирени». Я даже осмеливаюсь вытащить пробку. Если меня поймают за этим занятием, убьют на месте.

Но мамины платья не идут ни в какое сравнение с тем, что хранится в шкафу Лагранской. Передо мной пещера Аладдина, и я – ее единственный гость.

Изумрудный шелк переливается в ладонях. Я прижимаюсь щекой к великолепному пурпурному бархату и закрываю глаза, пьянея от тяжелого густого аромата. Вспыхивает на солнце и рассыпает искры лиф платья, обшитый золотистым стеклярусом.

От слабости я плюхаюсь в кресло перед зеркалом.

Трельяжный столик завален баночками, коробочками, папильотками, тюбиками с помадой. В выдвинутом ящике виднеются не один, не два, а дюжина флакончиков. Здесь и мамина «Белая сирень», и «Красная Москва», и небрежно отодвинутые в глубину несколько «Ландышей серебристых», и густо-коньячного цвета «Пиковая дама»... Но ближе всего – картонный сундучок с нарисованным Кремлем. Под откинутой крышкой стеклянный матовый куб с островерхой башенкой. «Черный ларец», – читаю я на коробке.

Я знаю, что нельзя трогать чужое. Но рука сама тянется

к кубу.

– Ты что делаешь?

Пронзительный голос Лагранской ударяет, как хлыст. Я отдергиваю руку и вскакиваю.

– Тише, тише... Что за шум, а драки нет?

Отодвинув Лелю, из-за двери выходит ее муж.

– Дядя Женья!

– Здравствуй, Аня!

Дядя Женья помнит по именам всех детей в поселке, а также их собак, котов и морских свинок. Он маленький, веселый, с кривым ртом и не по росту огромными руками. К его макушке с двух сторон подбираются залысины, похожие на речные отмели.

– Дразним детей, значит? – спрашивает он у жены. – Ну, ей-богу, Леля, стыдно! – Та раздраженно дергает плечиком. – Хочешь понюхать духи, Аня?

Я не смею даже кивнуть. Так и стою навтыжку: глупый солдат, провинившийся перед командиром.

Дядя Женья присаживается на корточки, вытаскивает пробку из флакона. Стеклянным кончиком, на котором висит темно-золотая капля, проводит по моему запястью. На коже остается влажный след, будто по мне проползла крохотная улитка.

– Теперь от тебя будет нести старушками!

Старушками? Только если эти старушки живут в раю!

– Счастья полные штаны, вот как это называется! – сме-

ется он, глядя на мое лицо. – Ну все, беги!

– Спасибо, дядя Женя! Спасибо, Ольга Александровна!

– Вот что значит хорошо воспитанный ребенок, – умиляется Леля. Она снова мне рада, снова в хорошем настроении.

По пути домой я через каждые два шага подношу к носу запястье. Пахнет зефиром, смолой, букетом пионов, которые начинают вянуть, и немножко – земляничным вареньем...

В школе нам с первого класса рассказывают про Ленина. Я уже достаточно взрослая, чтобы догадываться по интонации родителей, что от моего сочинения про детство дедушки Ильича они не в восторге, но не понимаю причин. Мы с девочками спорим шепотом, кто мог бы отдать за вождя свою жизнь.

Иногда я представляю, как совершаю какой-нибудь героический подвиг. Спасая тонущего из пруда! А им оказывается сестра Ленина, Маняша, самый дорогой ему человек. В моем воображении Ленин – ровесник дедушки, а Маняша немногим младше меня. Потрясенный Ильич подходит ко мне, кладет руки мне на плечи и целует в лоб. Весь наш класс, все тридцать человек, замирают от восторга и зависти. А физрук в стороне утирает слезы: ему стыдно, что он обзывал меня лапшой на канате.

Раньше я думала, что не может быть ничего лучше, чем поцелуй Ленина.

Но в очередной раз принюхиваясь к запястью, я как чест-

ный человек пытаюсь ответить на вопрос: что бы я выбрала – духи или Ленина? Ленина или духи?

– Дедушка, я плохая пионерка, – грустно говорю я, войдя в комнату.

Дед поднимает очки.

– Что? Плохая пионерка? Ха-ха-ха! А чем от тебя пахнет, пионерка? Недобитой буржуазией! Так-так-так!

– Оставь свои шуточки! – кричит бабушка. – Аня, обещать!

Так что во всем виноваты духи. И Марк Бернес. И домашняя туфля с розовым помпоном.

Если бы не они, все бы обошлось. Так я говорю себе, и золотая крышка захлопывается со щелчком, скрывая и пруд, и пластинку, и прелестную женщину на подоконнике. В воздухе остается висеть аромат увядших пионов.

Глава 4

Сыщики

1

Остов каменной печи торчал посреди черно-зернистых бревен. Кроме печи, на удивление хорошо сохранилось крыльцо. Бабкин внутренне настроился увидеть пожарище, но ступеньки, ведущие в никуда, поразили его сильнее, чем он ожидал.

– Вещи уже разобрали, – сказал Макар, кивнув на кучу в стороне, прикрытую брезентом.

Бабкин дотронулся до скукожившихся листьев на кусте жимолости и отдернул руку. Илюшин бросил на него короткий взгляд.

– Ты узнал, как было дело?

Сергей кивнул.

– Я поговорил с дознавателем, он даже показал техническое заключение и протокол осмотра. Судебно-медицинская экспертиза пока не готова. По его словам, картина типичная для таких происшествий. В доме вырубилось электричество. Бережкова, видимо, решила, что света нет во всем поселке. Она пыталась разогреть что-то в кастрюле, поставила ее на

огонь – газовому баллону ток не нужен – и забыла рядом керосиновую лампу.

– Керосиновую лампу? – переспросил Макар.

– У стариков часто хранятся свечи и керосинки именно на такой случай. Она вернулась в гостиную, а суп остался на плите. Он выкипел, залил горелку, и газ продолжал заполнять комнату. А потом все взорвалось. Взрыв повредил только кухню, но огонь уже было не остановить. Соседи говорят, сгорело за считанные минуты. Когда они прибежали, им не удалось даже близко подойти – такое было пламя. Да, собственно, видно...

Он кивнул на широкий пожухлый круг травы.

– Дачникам повезло, что огонь не перекинулся на соседние постройки, – сказал Макар.

– Вечером прошел сильный дождь. Дом Бережковой он не спас, но помог замедлить распространение пожара.

– А где нашли тело?

– На диване в гостиной.

Илюшин задумчиво покивал. Выглядел он как человек, который не слышит, что ему говорят.

– Можешь начертить план? – вдруг спросил он.

– План чего? Дома?

– Нет, гостиной. Ты ведь был у нее, помнишь, как была обставлена комната.

Сергей вытащил из кармана блокнот и огрызок карандаша, отыскал чистую страничку.

– Большое окно, рамы деревянные, не пластик... Возле окна широкая тахта и кресло под торшером, а рядом отдельная лампа на длинной высокой ножке – я тогда еще подумал, зачем ей столько источников света.

– Для занятий рукоделием, – не задумываясь, сказал Макар.

– Откуда ты знаешь?

– Не отвлекайся. Значит, тахта?

– Да. А вот здесь, – Бабкин провел длинную линию напротив окна, – огромный книжный шкаф, до потолка, во всю длину комнаты. Он был забит книгами и журналами. Страшно представить, как все это запылало. На стенах картины... их описывать?

– Нет, это пропусти. Что еще?

– Телевизор. В трех метрах от него – диван, узкий и неудобный.

– Откуда ты знаешь?

– Я на нем сидел.

– Для тебя все узкое и неудобное.

– Нет, серьезно. Я тогда еще подумал, что Бережкова купила его за красоту обивки: переплетающиеся цветы, как на старинных гобеленах. Маша такое любит.

Илюшин внимательно следил за движениями карандаша.

– Хорошо. Что еще?

– В центре комнаты круглый стол на гнутых ножках, вокруг него четыре стула. Из мебели, кажется, все. Я хорошо

запомнил старый вытертый ковер на полу, огромный, как аэродром. В детстве я на таком играл у бабушки с дедушкой, обожал его. На подоконнике несколько пузатых ваз из разноцветного стекла, в них играло солнце...

Он осекся и замолчал.

Пожарище лежало перед ними: страшное, черное, мертвое.

– Где нашли тело? – не глядя на него, спросил Илюшин.

– Что? На диване. Перед телевизором.

Макар отошел к соседнему дому, смахнул со скамьи сухие листья и сел. Бабкин, потоптавшись, вытащил пачку сигарет и опустился рядом с ним.

– Значит, проводка перегорела, – сказал Илюшин. – Телевизор не работал. Бережкова вернулась в комнату и легла отдохнуть...

– Не легла. Я же сказал, диван очень узкий. Фактически это диван-кресло, обычно его ставят для гостей, чтобы можно было быстро разложить и превратить в такую же неудобную кровать.

Он не стал вертеть в пальцах сигарету, как делал обычно, а сразу закурил.

– Странная история, – пробормотал Илюшин. – Женщина, которая не смотрит телевизор, садится перед ним на диван, хотя у нее есть любимая тахта, где она рукодельничает и читает. Не говоря уже о том, что электричество вырубилось. Может быть, ей стало плохо?

«Надеюсь, стало, – подумал Бабкин, – надеюсь, она умерла не от удушья, а во сне, от сердечного приступа, и не видела, как огонь пожирает ее старый дом. Пусть в экспертном заключении будет сказано, что в легких не обнаружено копоты, а слизистые не обожжены».

– Посмотреть бы экспертное заключение, – в унисон его мыслям озабоченно сказал Макар. – Ладно, пойдем побеседуем с жителями.

2

Два часа спустя Сергей Бабкин многое бы отдал, чтобы покинуть Арефьево и обо всем забыть.

Бережкову здесь любили. Немолодой узбек, который, как им сказали, иногда помогал Анне Сергеевне по хозяйству, после первого же вопроса Илюшина опустил на корточки, уткнул лицо в руки и сидел, раскачиваясь, пока сыщики стояли рядом, чувствуя себя глупо как никогда. Из конуры притащилась большая лохматая собака, положила морду ему на плечо.

– Извините нас, – сказала заплаканная хозяйка дома. – Мы действительно ничего не знаем.

Еще хуже вышло с бывшим преподавателем физики, Прудниковым.

Если помощник-узбек мог выразить свои чувства, Прудников сдерживался изо всех сил. «Лучше бы он плакал», –

подумал Бабкин, отводя взгляд от лица старика.

– Не знаю, может ли быть от меня какая-то польза, – сдавленным голосом сказал тот. – Я прибежал, когда все уже было... когда было поздно.

– Ян Валерьевич, она рассказывала, зачем ей нужны были частные сыщики? – спросил Илюшин.

– Нет. Мне показалось, ее что-то сильно гнетет, но я счел, что любопытство будет неуместно. Лишь сказал, что она всегда может на меня рассчитывать. Но Anne Сергеевне это и так было известно.

– Бережкова страдала приступами забывчивости? Рассеянностью?

– Она – один из самых здравомыслящих, умных и ясно рассуждающих людей, каких я встречал. И она всегда была аккуратна с газовой плитой. Знаете, – вдруг сказал он и посмотрел почему-то прямо на Сергея, – это совершенно невозможно: когда я остаюсь один, везде ее лицо. Гляжу в окно и вижу, как Анна Сергеевна идет к калитке. У нее синее платье, вы не знаете, наверное, чудесное синее платье, а на нем веточка из янтаря, довольно старомодная брошь, но ей очень идет, впрочем, я не видел вещи, которая бы ей не шла... Сегодня я дважды выходил наружу, чтобы встретить ее. Мне приходилось и раньше терять близких, но...

– Сочувствую вашей утрате, – с трудом проговорил Бабкин.

Ян Валерьевич снял очки, вытер слезы и вновь превратил-

ся в старого джентльмена, сдержанного и учтливового.

— Бестактно с моей стороны обременять вас своими переживаниями. Чем еще я могу помочь?

— ...Какой красивый старик, — сказал Илюшин, когда они вышли из дома. — Он, кажется, ее...

— Макар, замолчи.

Илюшин заткнулся, и пока они шли к машине, не проронил ни слова.

Бабкин отъехал подальше от поселка, встал возле реки. Рябая вода поблескивала за листьями аира.

— Думаю, Мансуров меня срисовал, — без выражения сказал он. — Я не придавал этому значения, убедил себя, что все в порядке. Расслабился.

Илюшин пожал плечами.

— Если человек узнал, что за ним следят, вряд ли он кинется убивать свидетеля и поджигать дом. Ты так не думаешь?

— Зависит от его характера. Что собой представляет Мансуров? У меня нет ответа. Я схалтурил.

— Мы схалтурили, — сказал Макар. — Есть ли связь между нашим расследованием и гибелью старухи, неизвестно. Предлагаю вернуться к исходной версии: предположим, Бережкова была права и Мансуров действительно хотел убить жену. Отсюда и будем плясать.

Он говорил как о деле окончательно решенном.

– Но ведь ты собирался взять новых клиентов, – неуверенно начал Бабкин.

Илюшин изумленно взглянул на него.

– Понял, – согласился тот. – С чего начинаем?

– С билетов в Щедровск.

Глава 5

Анна Сергеевна Бережкова

1

Утром Мансуровы завтракали вместе. Я не видела их, но слышала голоса. Мне пришлось совершить чрезвычайно опасную вылазку!

Коттедж построен так, что половину нижнего этажа занимает огромная и, по правде сказать, бессмысленная гостиная, неудобная, как казарма. Вокруг нее хаотично понатыканы комнаты. В свое время мы с Таней (тогда еще Стефанией) гадали, не издевался ли архитектор над богатым заказчиком. Трудно поверить в трезвый ум человека, который спроектировал ванную комнату с тремя входами.

Здесь есть бильярдная без бильярдного стола, а также библиотека, в которую не завезли книг. Если приглядеться, станет ясно, что каждая комната – не то, чем она притворяется.

На втором этаже – длинная галерея по периметру зала, куда выходят пять дверей. От галереи отходит аппендикс коридора; в его конце и находится мое убежище.

А туалетная комната – на другой стороне.

Предусмотрительный человек, разумеется, сразу бы уви-

дел, в какую ловушку я себя загнала. Можно обойтись без еды, без кровати, можно заменить питьевую воду дождевой; невозможно лишь одно – провести хотя бы сутки без туалета.

Я пыталась дождаться отъезда Мансурова. Но в девять он все еще расхаживал с чашкой кофе и отчитывал ребенка за какую-то провинность. Молясь о том, чтобы он не вздумал выйти в гостиную, я прокралась через галерею и оказалась там, куда стремилась.

Невозможность спустить воду оказалась бы самым тяжким испытанием этого утра, если б на пути обратно я не разобрала, что именно рассердило Мансурова.

– Еще раз спрячешь хлеб – получишь по шее!

– Папа, это пряник...

– За пряник отдельно получишь!

– Он для фей!

– Да хоть для Колобка – мне плевать!

– Антон, ну зачем ты так...

– Крысы к тебе придут! – рявкнул Мансуров. – Крысы, а не феи! И откусят тебе уши!

Раздался быстрый топот маленьких ножек.

– Не нужно так грубо разговаривать с ней, – сухо сказала Наташа. – Она еще совсем маленькая.

Они с мужем стояли прямо подо мной. Я прижалась к стене и замерла.

– А ты ребенку голову не забивай херней!

– Она сама о них прочла.

– Она вообще читать сама не должна! – повысил голос Мансуров. – У нее для этого есть мать. У меня такое чувство, что ты просто скинула с себя одну обязанность и вздохнула с облегчением.

– Я – что сделала? – с изумлением переспросила Наташа. – Скинула обязанность?

И вдруг засмеялась.

«Ох, бедная девочка!»

Но снизу вместо ругани донесся смешок.

– Ладно, херню спорол, – весело сказал Мансуров. – Наташ, проследи, чтобы она не делала нычки. Я с ней и сам вечером поговорю, но надо выступить единым фронтом. Догово-
рились?

Глядя вслед отъезжающей машине, я гадала, отчего Мансуров этим утром так добр с женой. Взгляд мой упал на пожарище – и я поняла.

Он просто-напросто был очень доволен. У него все получилось.

Ветер донес через приоткрытое окно тихий плач.

– Лиза, ты где? – позвала Наташа.

Девочка затихла. Она явно была не из тех, кто плачет кому-то. Я слышала, как она всхлипывает, спрятавшись где-то в кустах.

В тот же день я сделала удивительное открытие. В доме существовала комната, куда Наташа никогда не заходила.

– Мама, принеси планшет, – попросила Лиза.

После обеда вновь пошел дождь, и они устроились вдвоем за столом в гостиной. Я могла беспрепятственно расхаживать по галерее: снизу увидеть меня невозможно.

Конечно, я делала поправку на то, что девочке вздумается подбежать к дивану возле окна. Тогда, обернувшись, она обнаружила бы на втором этаже незнакомую старуху. Но что-то подсказывало мне, что пока они сидят с книжкой, она останется возле матери.

– Он в папином кабинете, – рассеянно ответила Наташа.

– Пойдем в папин кабинет?

– Нет, солнышко мое, нам туда нельзя.

– Почему?

– Потому что там живет Очень Страшная Крыса!

Лиза притихла.

– А почему мы ее не прогоним? – после долгой паузы спросила она.

Мне тоже было интересно услышать объяснение. Я не сомневалась, что Страшная Крыса – вымысел матери, которой не хочется идти за планшетом.

– Просто наш папа любит крыс, – спокойно ответила На-

таша.

– А я их ненавижу! – с силой сказала девочка. – У них хвосты как дохлые черви!

– Я тоже боюсь. Поэтому мы и не заходим в ту комнату, где она живет.

– А когда папа приедет?

– Вечером. Дождешься вечера?

– Ага.

Они чему-то рассмеялись, тихо, как две заговорщицы.

Удивительная малютка. Другая на ее месте закатила бы скандал, плакала, шантажировала мать, вызвалась бы сама рыться в папином кабинете! Поверьте, я насмотрелась на маленьких детей за свою жизнь. Нет существа настырнее, чем ребенок, лишенный... как это называется... гаджета. Ну и словцо! Противное, точно лязганье капкана, в который попался мелкий зверек. Я не сторонник идеи растить детей без доступа ко всем этим электронным устройствам. Но меня пугает ярость малышей, не получивших желаемого.

Кажется, за книжку никто из них не сражается с такой силой.

Девочка Лиза – совсем не боец. Она послушна, тиха и себе на уме.

Эта выдумка с крысой чем-то меня тревожила, и когда после обеда Наташа уложила ребенка спать, а сама отправилась с книжкой в сад, я решила действовать.

На втором этаже лишь одна комната оказалась заперта на

ключ. Мне вспомнилась вчерашняя ночь. Мансуров не просто так поднимался по лестнице. Ему что-то здесь было нужно.

Тем не менее я обошла и первый этаж. Заодно утащила из кухни печенье, несколько сладких фиников, пару яблок и пластиковую бутылку из-под воды, брошенную в мусорное ведро. Если подумать, крыса – это я. Выползаю тайком, обыскиваю помойки...

Мансуровы позаботились о том, чтобы запереть оранжевую и еще три комнаты, в которых, по моим воспоминаниям, не было ничего интересного.

Связка ключей нашлась в прихожей, в ящике комода. Чтобы Наташа, вернувшись, не застала меня врасплох, я пошла на хитрость. Среди игрушек в детской мне на глаза попала неваляшка, оставшаяся, должно быть, еще с тех времен, когда Лиза была совсем маленькой. Я бережно отнесла куколку и установила возле двери, выходящей в сад. Стоит Наташе войти, малышка с чубчиком поднимет перезвон, а потом будет таращить глупые глаза: не знаю, откуда я здесь взялась, не спрашивайте, дин-дон, дин-дон!

Обезопасив себя, я приступила к обыску.

В трех комнатах хранились материалы, оставшиеся от ремонта. Доски, банки, рулоны...

А что наверху?

Но здесь меня ждал сюрприз. К замку красно-коричневой двери не подходил ни один ключ.

Я проверила дважды, надеясь, что ошибаюсь, но осталась ни с чем. Пришлось вернуть связку в комод. Стоило подняться по лестнице, как внизу предупреждающе зазвенела неваляшка.

Однако где же ключ?

Допустим, один у Мансурова. Но должен быть и запасной. Почему он не держит его вместе с остальными?

И что за глупая выдумка с крысой!

3

Мансуров приехал около четырех. К этому времени я была практически уверена, что знаю, где он хранит второй ключ.

В коттедже на него могут наткнуться жена или дочь. Гараж? Возможно. Но сейчас там ремонт.

Оставалась машина. Машина – это его личная территория. Будь я Антоном Мансуровым, я спрятала бы именно там то, что не предназначено для чужих глаз.

Чем больше я об этом думала, тем сильнее меня охватывал азарт. Еще утром я панически боялась хозяина дома; теперь я считала минуты до его возвращения.

Когда черная «Тойота» Мансурова показалась на дороге, у меня забило сердце.

Одно окно моей цитадели выходит в сад, другое – на улицу. Из-за прозрачной шторы я наблюдала, как убийца подь-

езжает к коттеджу. Мансуров захлопнул дверцу, потянулся, бросил взгляд на пожарище. Там еще не закончились работы по разбору завалов, и он решительно направился к людям. Я видела, как он разговаривает с ними, и знала, о чем идет речь. «Помощь нужна?.. Уверены? Если что, обращайтесь!.. И не говорите, такая беда... Эх, все под богом ходим...»

Последние слова я произнесла в меру прочувствованным голосом. Стоило мне замолчать, как Мансуров поднял ко лбу сложенные щепотью пальцы и медленно перекрестился.

Тьфу!

4

После ужина семья отправилась на прогулку. Только этого я и ждала.

Автомобильный брелок валялся на комод в прихожей. Я схватила его, не давая себе времени на раздумья, вошла в чьи-то сапоги и вышла во двор.

Рабочие разъехались, и вокруг было безлюдно. То, что вчера помогло убийце, сегодня поможет мне.

Я не сразу разобралась, куда нужно нажать, чтобы разблокировать двери, но со второй попытки в машине что-то мягко щелкнуло, и вспыхнули фары.

Начал накрапывать дождик. Я не знала, как далеко Мансуровы успели отойти от дома, а значит, мне нужно было поспешить.

Из бардачка на колени выпали договоры в прозрачных файлах, многостраничная инструкция к «Тойоте», бумажная карта Москвы и Подмосковья, запечатанный «Сникерс»... В узком ящике, куда, я видела, автомобилисты ставят стаканчики с кофе, тоже не нашлось искомого. Меня охватило уныние. Никогда, никогда мне не удастся отыскать что-то в этом черном катафалке! Я не умею водить машину, мне не проследить логику того, кто много лет за рулем...

«Куда точно не заглянула бы его жена?»

В одном из файлов документ был сложен пополам. «Аренда 28.04» – было выведено от руки на оборотной стороне. Я вытряхнула бумажные листы из пакета, и за ними вывалился ключ.

В конце улицы показались три фигуры. Мансуров вел за руку дочь, рядом шла Наташа.

Тихо, тихо... Не торопиться.

Но я опоздала. Мне не пробраться в дом, да что там, мне даже не выскочить незамеченной из машины.

– Папа, мама, смотрите!

Лиза потянула отца к соседнему коттеджу, и они остановились, рассматривая что-то на заборе. Другого шанса мне не выпало бы. Согнувшись в три погибели, я вывалилась на землю, точно куль с опилками, выпрямилась, охнув от боли в пояснице, и побежала к крыльцу.

Любопытство заставило меня в последний момент обернуться. Что отвлекло Мансуровых?

На ограде сидел бродячий кот. Бесконечный его хвост, которого хватило бы на двух зверей, расслабленно свисал до середины забора.

– Мама, это гепард! – восхищенно крикнула Лиза.

Я влетела в прихожую и захлопнула дверь. С меня градом тек пот, сердце частило, как у перепуганного зайца, но зато в кармане подпрыгивал увесистый ключ.

«Анна Сергеевна, вы герой». Так я сказала себе, когда оказалась наверху. «Вы, Анна Сергеевна, – уважительно сказала я, – не какая-то дырявая калоша! Вы женщина догадливая, находчивая и везучая. Последнее качество в вашем, Анна Сергеевна, положении значит намного больше, чем прочие. Благодаря вам и коту у нас есть доступ в комнату Синей Бороды».

5

Ночь окутала поселок, на небо высыпали звезды. Так много звезд бывает только в августе, когда остатки кометного хвоста летят к нашей планете со стороны созвездия Персея. Двенадцатого числа звездопад достигает пика, но если вы пропустите этот день, не беда: метеоритный поток несется мимо Земли до конца месяца.

Ночи августа – мое любимое время. Так было с детства. Прекраснее, чем день рождения, волшебнее, чем Новый год. Ты один на один с небом, ты шепчешь ему свои тайны, и

небеса отвечают тебе.

Знаете, когда я поняла, что постарела? В ту ночь, когда впервые не загадала желание, увидев падающую звезду.

Я размышляла об этом, сидя у окна на втором этаже мансуровского коттеджа. После смерти у меня, знаете ли, появилось много времени на раздумья. Жизнь в поселке может показаться скучной, но уж что-что, а без дела я никогда не сижу.

Мой муж умер девятнадцать лет назад. Я осталась одна: родители ушли один за другим пятью годами ранее, а детей у нас не было.

Лет в восемь, читая мифы Древней Греции, я примеряла на себя образы великих богинь, разрываясь между вспыльчивой охотницей Артемидой, прекрасной Амфитритой, мчащейся по морским волнам верхом на тритоне, и легкокрылым Гермесом (нужно ли говорить, что меня подкупали сандалии с крылышками). Что ж, печальная ирония заключается в том, что меня обратили в Сизифа.

Похоронив мужа, я каждое утро начинала вкатывать в гору неподъемный камень долгого-долгого дня, и к следующему утру обнаруживала себя там же, где была двадцать четыре часа назад. Моя работа по проживанию собственной жизни казалась мне столь же бессмысленной, сколь и мучительной. Нескончаемый труд. Зачем?

Я не принимала решения переехать в Арефьево. Просто в одно утро, ничем не отличающееся от прочих, поняла, что

хочу сменить эту гору на другую. Дом стоял заколоченным после смерти родителей, а уж сколько я не была здесь — страшно подумать. После того лета...

Нет, об этом не стоит.

И вот я вернулась. Дом, отвыкший от человека, принял меня враждебно, но мне было не привыкать катить свой камень.

Я думала, меня ждет тоскливое одиночество, и в глубине души надеялась на это. Зима, холод, угасание... Я приехала умирать и четыре месяца провела в летаргии.

Но постепенно что-то менялось. Волей-неволей я начала замечать, сколько жизни творится вокруг, маленькой вечной жизни. Трава зеленела там, где только вчера лежал снег, и хрупкие цветы, которым я тогда не знала названия, пробивались из холодной земли, и распускались, и поворачивали нежные венчики за солнцем. Крохотные, но чрезвычайно сложно устроенные существа копошились под ногами, не замечая меня. Ласточки сновали под крышей, гулко пели болотные жабы, ящерицы с бесстрастными умными мордами выползали на камни. Да, все они рано или поздно умирали. Но возрождались в обличье новых птиц, новых жаб, новых ящериц.

Я осталась в Арефьево зимовать. Однажды солнечным апрельским днем вышла во двор и увидела, что из красной чешуйки на вербе, как из лопнувшей скорлупы, высунулся желто-серый пушистый шарик. В эту секунду гигантский ка-

мень на моей горе треснул, рассыпался на мелкие осколки, осколки разлетелись в пыль, а ее развеял порыв весеннего ветра.

Кажется, примерно в это время ко мне приехала Зоя, моя вторая подруга.

Оглядевшись, она всплеснула руками:

– Ты развела вселенский бардак!

В самом деле? Я этого не замечала. Но, убоявшись перспективы превратиться в полоумную тетку, прокладывающую в собственных комнатах ходы среди мусора, решила взяться за ум, пока не стало поздно.

Сама Зоя в свои пятьдесят с небольшим только и делала, что поддерживала вокруг порядок. Энтузиазм ее принимал порой гротескные формы: так, она пыталась подрезать кончики усов своему коту, чтобы они были *ровными*. К счастью, кот имел собственный взгляд на вещи. Двумя взмахами лапы он оставил на щеках у Зои послание, в котором недвусмысленно сообщалось, что он принимает себя со всеми несовершенствами и настоятельно рекомендует и ей следовать его примеру. Царапины были идеально симметричны.

В общем, мне было на кого ориентироваться. Но в один прекрасный день я осознала, что работаю, не сказать вкалываю, исключительно на вещественный мир, и баланс сил неумолимо меняется. Как будто все расставленные по полкам книги, помытые полы и отдраенные раковины начинали приводить в порядок *меня*. В соответствии со своими пред-

ставлениями о том, каков должен быть упорядоченный человек.

Нет, я не сошла с ума. Но почувствовала, что неудержимо тупею.

Зоя обиделась. Я-то полагала, что всего лишь разрешила себе разбрасывать вещи и мыть раковину не чаще раза в месяц, но она настаивала, что это путь к деградации. И вот уже лет пятнадцать как я деградирую. Признаться, не без удовольствия.

6

Я загадала: когда насчитаю три падающие звезды, отправлюсь в комнату Синей Бороды. Мансуров заходил вечером в кабинет, провел там не меньше часа и вышел около восьми. Чем он занимается? Варит яды? Смотрит порнографические фильмы? Трогает пряди волос и фотографии убитых жен?

Бледная поганка не давала мне покоя. Мансурову не составило бы труда задушить жену подушкой во сне, зарезать или свернуть ей шею. У Наташи не больше шансов на победу, чем у цыпленка в борьбе с хорьком.

И вдруг – грибы!

Когда третий метеор прочертил в небе короткую белую линию, я вышла из комнаты.

Никогда не любила каменные дома. Однако неоспоримое преимущество кирпичного коттеджа перед деревянной да-

чей заключается в том, что первый молчалив. Я отвыкла ходить по помещениям так, чтобы не издавать ни звука. Ни скрипы, ни вздохи, ни недовольное кряхтение половиц не сопровождали меня, когда я кралась к кабинету Мансурова.

Ключ беззвучно провернулся в замке. Я толкнула дверь, включила свет и замерла.

Напротив сидела крыса.

Облезлая желто-белая крыса в клетке на столе: рубиновые глазки поблескивают, хвост обернут вокруг лап и действительно выглядит как длинный червь-альбинос. Шерсть на спине крысы топорщилась, а когда я шагнула к столу, встала дыбом, словно у дикобраза. Я и не догадывалась, что крысы так умеют.

Честно говоря, я растерялась. Обитательница клетки смотрела на меня враждебно, а при моем приближении отбежала в угол.

– Ты здесь зачем? – шепотом спросила я.

Никогда, никогда Мансуров не завел бы этого зверька из любви к крысам! За этим определенно что-то крылось.

Осмотрев клетку, я заметила, что кормушка завалена кормом для грызунов, но в поилке нет воды. Крыса по-прежнему сидела в углу, не сводя с меня взгляда.

– Мне нет до тебя дела, – сказала я больше себе, чем ей.

И принялась изучать кабинет. Рабочий стол, открытые книжные полки, узкая софа. На первый взгляд здесь не было ничего интересного: скучный кабинет скучного челове-

ка, притворяющегося большим, чем он есть. Заспиртованные головы его предыдущих жен не смотрели на меня из стеклянных банок, и атлас ядов не был открыт на странице с главой «Как избежать наказания за отравление». Здесь даже сейфа не было!

В ящиках нашлись только ручки, точилки и чистые блокноты. Надо было пролистать книги на полках, но я медлила. Клетка притягивала мой взгляд, клетка – и грязный зверек внутри.

«Бог ты мой, – мысленно простонала я, – какую ужасную глупость я собираюсь сделать!»

Мне следовало быть осторожной в каждом шаге, не перемещаться по дому без крайней необходимости и, уж конечно, не рисковать, разгуливая над головой спящего Мансурова. Отлично понимая все это, я прокралась к своему тайнику в шкафу и вернулась с пластиковой бутылкой.

Когда в поилке забулькала вода, крыса подняла уши. Спустя секунду после того, как я убрала руку, она была возле мисочки и пила так жадно, что ходили бока.

Я дождалась, пока она напьется, и выплеснула остатки воды за окно, а миску протерла насухо. Все должно остаться в том же виде, в каком было, когда Мансуров ушел.

Пора заняться книгами.

Подборки бессмысленней я, пожалуй, не встречала. Пушкин, Лермонтов, «Избранное» Анны Ахматовой и Мандельштам, «Беспалый – вор в законе» (автор – Г. Беспалый), пол-

ное собрание сочинений Лескова и Паустовского, а над ними растрепанный томик под названием «С волками жить», который я сперва приняла за произведение Фарли Моуэта, известного канадского биолога, специалиста по волкам. На обложке, однако, был изображен татуированный мужчина самого отталкивающего вида.

Я обернулась к клетке. Крыса сидела, сложив лапки с розовыми пальчиками на животе: точь-в-точь старушка, собирающаяся вязать шарф для внука.

– Спорим, твой хозяин читал только Беспалого?

Книжные полки не были закреплены на стене по отдельности, как мне показалось при первом взгляде. Это, собственно, был полноценный шкаф, только не застекленный. Корешки покрыты пылью, томики стоят так плотно, что не вытащить. В эту комнату сослали писателей, которых не любили и не читали.

Мансуров, декламирующий Ахматову, – смешно, ей-богу!

Нет-нет, полки – не более чем декорация...

Декорация!

Я положила ладонь на деревянный торец и надавила. Полки поехали вдоль стены с такой легкостью, что я чуть не упала. Передо мной была всего лишь внешняя панель, замаскированная под шкаф.

За ней открылось пространство глубиной не больше полуметра. Свет включился автоматически.

Самое удивительное, что это тоже был шкаф; пять полок,

одна над другой.

Я в недоумении смотрела на предметы, который Мансуров зачем-то прятал от своей семьи.

Потрепанный футбольный мяч. Парусный корабль, вырезанный из дерева, грубоватый, но красивый, с неравномерно покрашенными парусами малинового оттенка. Газетная статья, сложенная вчетверо; когда я развернула ее, увидела фотографию, вытершуюся до такой степени, что лиц не разглядеть. Групповой снимок: высокий мужчина и пятеро подростков. Заметка под фотографией была заштрихована шариковой ручкой.

Все эти вещи по отдельности выглядели до смешного безобидно. Кроме, может быть, газеты, которую Мансуров зачем-то сохранил, лишив самого себя возможности прочесть текст и вспомнить облик людей, о которых писал журналист. Или это не он испортил статью?

Я была в таком изумлении, что попробовала толкнуть и эти вторые полки тоже, как будто Мансуров мог устроить обманку в обманке. Конечно, у меня ничего не получилось. То, что было передо мной, и являлось тайником.

7

Спать мне совершенно не хотелось. Я провела в своем укрытии около часа, глядя на падающие звезды. Сначала мысли мои крутились вокруг сокровищ Мансурова, но по-

том, незаметно для меня, в них проникла крыса.

Бедный зверек сидит там для отвода глаз, это ясно. Голос Мансурова зазвучал в моих ушах. «Ты понимаешь, что она способна выбраться из клетки? А вдруг Лиза откроет дверь? Кто может гарантировать, что крыса не укусит ребенка? Я хочу вас защитить!» Наташа испуганно кивает, и вот уже ее муж ставит на дверь замок, а запасной ключ прячет не где-нибудь, а в собственной машине.

Само собой, он притащил домой живую крысу, а не игрушку из «Икеи». Купил первую попавшуюся. Она сыграла свою роль, поработала жупелом, но больше ему не нужна; Мансуров вздохнет с облегчением, если она издохнет.

Надкусанное яблоко лежало в моей ладони. Я отщипнула кусочек и обреченно поковыляла обратно в кабинет.

Себя я убедила, что это мой способ борьбы с врагом. Я противостою Мансурову! Защищаю тех, кто обречен им на смерть!

О, как напыщенно и лживо.

Правда же заключается в том, что я старая сентиментальная дура.

– Ну, иди сюда, – сказала я крысе. И просунула через прутья яблоко: не все, конечно, чуть-чуть.

Пока я стояла в отдалении, крыса все схрумкала. Похоже, сухой корм для грызунов ей осточертел. Я предложила ей еще немножко, и она снова не отказалась от угощения.

– Больше нельзя, милая.

Что я знала о крысах? Практически ничего. Умны, поддаются дрессировке, живут недолго... Относятся к высокосоциальным видам.

Что ж, надеюсь, Мансурову не взбредет в голову проверить среди ночи, на месте ли парусник и футбольный мяч. Я выключила свет – небо вдалеке уже начало светлеть, – села возле клетки и стала тихонько рассказывать крысе о своей сгоревшей даче, о бабушке с дедушкой, о соседях...

Все, о чем я молчала столько лет.

8

Арефьево

Лето 1958 года

Лето стоит сухое и жаркое. От зноя все звенит и потрескивает: стволы сосен, кузнечики, разошедшиеся доски крыльца, жучки-пожарники под корой старой липы и сама старая липа... У каждой погоды свой голос. В то лето я слушаю жару.

И песни.

Радиоузлом в поселке заведует Гриша Черняев, в которого влюблены все девчонки. У него вечно выходят споры с дачниками из-за того, что дачники любят тишину, а Гриша любит музыку.

– Молодой человек, радиоузел используется только

для экстренных сообщений! – гнусавит старикашка Пешин-Устьегорский. Он не просто вредный плешивый пень, а целый народный артист СССР, хотя по его желтой физиономии с обвисшими щеками этого никогда не скажешь.

– И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде и не пропадет! – поет Гриша в ответ.

Устьегорский задавил бы Черняева авторитетом, но Гриша нанес опережающий удар: в Арефьево зазвучал Рашид Бейбутов. «Я с тоскою ловил взор твой ясный, песни пел, грустя и любя», – разносится каждый день по поселку. Старушки, матери актрис, обожают Бейбутова. «Но ответа ждал я напрасно! – страдает певец. – Был другой дорогим для тебя!»

Против старушек даже народный артист Устьегорский оказался бессилён. Черняева отбили, и теперь целыми днями мы слушаем наши прекрасные песни. Изредка Гриша даже ставит Чака Берри.

– Шагай вперед, комсомольское племя, – распеваю я, маршируя по саду. – Мы покоряем пространство и время! Мы молодые хозяева земли!

Дедушка фыркает, когда слышит это: он утверждает, что «Веселые ребята» – ширпотреб.

– Маскульт! – защищает «Веселых ребят» бабушка.

– Барахло! – отрезает дед. – Анюта, спой что-нибудь приличное!

– Там вдали за рекой зажигались огни! – вывожу я. – В

небе ясном заря догорала...

Дед подхватывает, и мы заканчиваем вместе:

– Сотня юных бойцов из буденновских войск на разведку в поля поскакала!

– На разведку, значит, – говорит бабушка, подбоченясь. – Сто человек! Что ж не двести, а? Хороша разведка! А тут, значит, белогвардейские цепи! Кто бы мог подумать...

– Нет у тебя понимания, Люба!..

Пока они с дедушкой спорят, я незаметно удираю.

У меня появился секрет.

Дача Лагранских стоит на небольшом возвышении; она окружена соснами, под которыми зреет синевато-черная сладкая черника. Но самое интересное – это пруд. Да не какая-то там пожарная лужа, выкопанная экскаватором! Нет, это настоящее маленькое озерцо с черной-пречерной, но чистой водой; с одной стороны оно поросло ситником, а с другой берег чистый, как на пляже у реки, только на реке трава вытоптана отдыхающими до земляных зыбисин, а здесь она густая и мягкая. Ходить по ней босиком – одно удовольствие.

Плавать в реке я не люблю. Что за радость бултыхаться на мелководье под хихиканье мальчишек! А нырять у меня не получается. К тому же меня не отпускают одну: речушка хоть и небольшая, но быстрая, и бабушка за меня боится. О, какая мука – ждать, изнывая от жары, пока она соберется!

От большого скопления людей, от криков, плеска, визгов малышни и ритмичного стука мяча у меня всегда тяжелеет

голова. Нет, не люблю реку!

А здесь, у Лагранских, тишина и безмятежность. Шуршат над головой березы, издалека доносится хрипловатый голос громкоговорителя. Днем Леля спит, а дядя Женя пропадает в Москве. Никто не мешает мне болтаться у пруда в свое удовольствие.

И в нем.

Знает ли кто-нибудь, кроме меня, насколько он глубоок? Наверное, только дядя Женя: пару лет назад он расчистил пруд и пытался ловить рыбу, но здесь водится одна мелкотня: уклейки с мой мизинец да сонные пескаррики.

Я замираю на берегу. Старательно вытягиваюсь вверх, подражая мальчишкам-ныряльщикам. Ладони сомкнуты, тело напряжено. Берег поднимается над водой невысоко, но мне этого хватит. Я отталкиваюсь и ухожу вниз головой в темную воду.

Мне навстречу поднимаются медленные водоросли. Серебристое пятно, стоявшее неподвижно, взрывается искрами, и мальки проносятся мимо меня точно крошечные пульки.

Ярко-зеленый пушистый роголистник, похожий на новогоднюю гирлянду, касается моей руки. Раньше я боялась прикосновения водорослей, но сейчас понимаю: они здороваются со мной. Здесь, под водой, все растения прекрасны, как в сказке, и, как в сказке, заколдованы. На поверхности все эти длинные русалочки волосы, рыжеватые пружинки и

густая шелковая бахрома превращаются в унылое мочало.

Подо мной пульсирует солнечная сеть. Меня выталкивает на поверхность, но я успеваю схватить толстый мясистый стебель, который венчает желтая чашечка кубышки и огромный, с лодку, лист. Эти стебли опасны. Если запутаться в них, останешься на дне навечно. Вырвать корневище невозможно, я пробовала много раз. Но сейчас кубышка не враг мне, а друг. Она помогает удержаться под водой.

Я переворачиваюсь на спину и вижу, как дрожит и волнуется потревоженная гладь. Зеленое стекло волшебного фонаря! Невозможно поверить, что сверху озеро видится черным и скучным.

Обманка, тайна, чудо. И все – мое!

Я ныряю до тех пор, пока меня не начинает колотить от холода. Губы шевелятся с трудом, как бывает, когда объешься мороженого. В такую жару озерцо должно прогреваться насквозь; похоже, где-то на дне бьет ключ. Я обещаю себе найти его в следующий раз.

А пока в одних плавках валяюсь на траве, и меня щекочут муравьи и длинноусые жучки.

Но разлеживаться нельзя. У меня есть еще одно дело. Это мой второй, самый секретный секрет.

Если кто-то узнает про озеро, меня отправят в город.

Если кто-то узнает про дачу Лагранских... меня, наверное, посадят в тюрьму.

Леля сама навела меня на преступную мысль. Случилось это в тот день, когда она бросила в меня туфлю. «Неси ее сюда!» – крикнула она, и я спрыгнула с подоконника на теплый дощатый пол и добралась до комнатки с пещерой Али-бабы.

Так просто! А уж забраться на окно для меня никогда не составляло труда.

Обсохнув, я натягиваю платье и с независимым видом подхожу к окну. Приходится перелезть через кусты, но это ерунда. Главное – чтобы меня не заметили с дороги. Но да-ча стоит в глубине участка, ее закрывают сосны, и никто не видит, как десятилетняя девчонка пробирается в дом среди бела дня, точно бесстыжий вор.

Я не вор! Мне ничего не нужно от Лагранской.

Ну, почти ничего.

Для начала я убеждаюсь, что она спит, крепко-крепко спит в своей комнате, плотно закрыв окна, и храпит как засорившийся кран. Услышав этот звук в первый раз, я до полусмерти испугалась, а потом хохотала так, что на меня напала икота.

Приоткрыв дверь, я смотрю на золотистые кудряшки, разметавшиеся по подушке. В комнате невыносимая духота. Возле кровати поблескивает пустая бутылочка; я знаю, Лагранская спрячет ее от мужа, когда проснется. Бутылочка

появляется не каждый день, может, пару-тройку раз в неделю.

Как видите, я хорошо изучила привычки наших соседей. Пока Леля в своей постели издает звуки, которых испугался бы даже кабан, я в безопасности. Можно ходить на голове, можно уронить стопку пластинок, – она не проснется, проверено!

Но стоит пискнуть будильнику, заведенному на четыре часа, Лагранская взлетает с кровати, точно куропатка, испугнутая выстрелом. Через пятнадцать минут вернется ее муж.

Сейчас на часах половина четвертого. Я плотно закрываю дверь и бегу в гардеробную.

Как под водой открывается волшебный мир, принадлежащий только мне, так и в святая святых Лелиного дома происходит чудо.

Я примеряю ее длинный шелковый халат с пушистой оторочкой; золотистая ткань змеей скользит и обвивает ноги. Бабушка рассказывала про змея-искусителя (правда, запретила упоминать эту историю в школе). В Лелиной пещере сокровищ каждая вещь искушает: надень, воплотись в кого-то другого. Платья, халаты, юбки, муслиновые блузки! Из зеркала на меня смотрит не тощая невзрачная девчонка, а юная принцесса. Я видела, как ретушируют фотографии... Происходит невероятное – кто-то ретуширует меня. Зрачки становятся синее, ресницы гуще. Загадочная улыбка скользит по губам. Выющиеся, еще влажные волосы обрамляют узкое

лицо. Лягушачья шкурка наоборот: наденешь – превратишься в царевну. Если бы меня увидел Гриша Черняев, забыл бы обо всем, окаменел и только ронял малахитовые слезы, как в сказах Бажова.

Бриллиантовые кольца свободно болтаются и позвякивают на моих пальцах. Старинные браслеты вызывают неземную музыку. Почти все Лелины драгоценности – бижутерия, но я этого еще не знаю. Меня очаровывает блеск камней, прохладная тяжесть металла.

Я стою перед зеркалом: Хозяйка Медной Горы, Анна Австрийская и Марина Ладынина в одном лице. С губ моих срывается одно слово:

– Ослепительна!

Пошатываясь, я прохожу в туфлях от окна до двери. Ножка у Лели крохотная и туфли мне почти впору, но каблуки! – каблуки возносят меня на вершину Эвереста. Там страшно и прекрасно.

Без четверти четыре я еще сижу, развалившись в кресле.

– Бон жур! Оревуар! Месье, же не леми де ля труа!

Это звучит белибердой лишь для того, кто смотрел бы на меня со стороны. Ему, слепцу, не увидеть толпу восхищенных фрейлин и придворных, вереницей многоцветных бабочек скользящих перед моим троном.

Без десяти четыре между рессор кареты неумолимо проклевывается первый зеленый росток. Мыши еще не разбегаются по норам, но у кучера под ливреей отчетливо подерги-

вается серый хвост.

Пора, пора!

Королевское одеяние летит в шкаф. Туфли – долой! Браслеты и кольца отправляются к прочим драгоценностям; их черед настанет завтра. Я спешно навожу порядок в гардеробной. Не должно остаться и намека на мое присутствие.

Дзинь-нь-нь! – звонит будильник. Леля Лагранская подскакивает на кровати, а я уже сижу на подоконнике, готовясь удрать. Да здравствует жара! Да здравствуют открытые окна!

10

Постепенно я потеряла всякую осторожность. Дядя Женя и Леля так заняты, когда встречаются, что я могла бы шнырять вокруг них – меня бы не заметили.

Нет, они не целуются и не обнимают друг друга, как мои родители.

Они ругаются.

Мы знали это и раньше. Однажды я услышала от бабушкиной знакомой: «Женька-то свою актриску все поколачивает?» Бабушка зашипела на приятельницу, но было поздно: я услышала и в первую минуту не поверила своим ушам.

Женька – это дядя Женя? Наш дядя Женя, веселый, играющий со всеми ребятишками поселка? Он подарил мне лошадку из шишки на спичечных ножках, с гривой из белых ниток. Мы прибегаем к Лагранским по вечерам – звать его

в вышибалы. Он гоняет мяч с мальчишками постарше, но и малышам с ним весело. Он знает тысячу смешных историй, а с дедушкой поддерживает культурную беседу. «Талантлив, чертяка! – говорит о нем дед. – Хоть и пьет как свинья».

Но постепенно я убеждаюсь, что противная тетка была права. Дядя Женя добр и ласков с нами, детьми. С женой он превращается в другого человека. Ему не нужно, как мне, надевать для этого чужие вещи, – достаточно переступить порог.

– Стерва! Опять пила? К Гришке ходила пьяная? Ходила? Отвечай!!

Я стою за шкафом, задержав дыхание. Бестолочь, бестолочь! Не успела вовремя сбежать, заигралась Лелиными побрякушками.

– Не ходила я, котя! – плаксиво кричит Леля.

– Опять котя? Чтоб имена наши не путать, дура?

– Не смей со мной так обращаться! Я – актриса!

– Ты актриса, потому что я тебя такой сделал! – яростно цедит дядя Женя. – Без меня ты ничто! Блудливая овца!

Вечером я спросила у бабушки, что значит «блудливая». Бабушка ахнула и отчитала меня: не нужно брать из дедушкиного кабинета книги с верхней полки, в них всякая гадость понаписана!

Да только библиотека здесь ни при чем. Хотя спасибо, бабушка, что рассказала про верхнюю полку!

Дедушка сердиться не стал. Только посмотрел так при-

стально, что у меня сердце в пятки ушло.

– Где ты это слышала, Анюта?

– Не помню...

– Блудливая – значит «распутная». Так могут говорить о женщине, которая встречается с несколькими мужчинами одновременно.

«Или о женщине, которая изменяет мужу», – думаю я.

Смысл слова «изменяет» мне тоже не до конца ясен. Я смутно осознаю, что это что-то очень дурное. Наверное, Леля целуется с Черняевым. Фу! Ей ведь ужасно много лет!

11

Даже скандалы не могут отпугнуть меня от дачи Лагранских. Вещи встречают как давнюю знакомую; уверена, я знаю их лучше, чем владелица. В глубине ящика я отыскала белую пуховую шаль, пышную, как кремовая шапка на торте. Она обнимает меня за плечи и ласково гладит по щеке. «Леля давно про нее забыла, – думаю я. – Этой шали скучно лежать одной в ящике. Разве не говорит дедушка, что вещи должны служить по своему назначению, а не валяться без дела?»

У меня нет красивой одежды. Мама с папой считают, что думать о тряпках – это мещанство. «Надо украшать дух и тело! – учит мама. – А во что ты одета – это дело десятое. Тот, кому надо, разглядит и твой ум, и твой богатый внутренний

мир».

Кому? Мне надо, мне! Сколько ни изворачиваюсь, не могу найти у себя ни ума, ни богатого внутреннего мира. Маме легко говорить! У нее есть красивые платья, хотя им до Лелиных – как воробью до жар-птицы... А я – пустое место. Шортики и маечка. Зимой – кусачая школьная форма, в которой вечно чешется спина.

Шаль лежит на плечах, как персидская кошка. В ней я не просто Анька-мелюзга, внучка знаменитого Ивана Давидовича Бережкова, а целая Анна Сергеевна: врач, исследователь Северного Полюса, спасительница сестры Ленина!

Но когда звенит будильник в Лелиной спальне, я со вздохом прячу шаль на место. И напоследок глажу ее, роняя слезы.

Позже я много раз возвращалась мысленно к этому дню. Один вопрос терзает меня: если бы я тогда украла шаль, случилось бы все то, что случилось? Лагранская вряд ли бы заметила ее исчезновение. К этому времени одна маленькая бутылочка превращается в две. А Леля из взбалмошной легкомысленной женщины превращается в неуравновешенное существо: то кричит, то хныкает; все делает немного слишком – слишком громко хохочет, слишком громко декламирует стихи, слишком сильно размахивает руками. Иногда мне кажется, она боится мужа. Но как можно бояться дядю Женю? Глупая, глупая Леля.

Мне нужно было взять эту несчастную шаль! Но я не была воровкой, я была домашней девочкой, которую пустили в сад наслаждений.

Укради я шаль, на этом бы все и закончилось.

12

Дедушка научил меня вести дневник. Я заношу в него повседневную чепуху: чем мы завтракали, кто приходил в гости... Самое ценное бумаге доверить нельзя.

Но если бы я вела записи, каждая была бы посвящена Лагранским.

«Дорогой дневник. Сегодня Леля расцарапала лицо дяде Жене, а он ударил ее по щеке».

«Дорогой дневник, они разбили духи. Все флаконы до единого. Какая же стояла вонь! Я пряталась в щели между стеной и шкафом – она закрыта шторой, туда они никогда не заглядывают. Стекло разбивалось, как будто вокруг стреляли, брызги летели повсюду. Майка провоняла и даже, кажется, трусы. Дедушка весь вечер принюхивался».

«Леля умеет визжать как дикая кошка».

13

К концу лета в дачном поселке появляется компания

мальчишек лет девяти-десяти. Они приходят из соседней деревни, которая тоже называется Арефьево. Только деревня здесь уже сто лет, а дачи начали строить в тридцать девятом году.

Наши арефьевские безобидные: гоняют на велосипедах и играют с девочками в казаки-разбойники. Взрослый пятнадцатилетний Петька, сын архитектора со смешной фамилией Мышаткин, учил меня бросать ножички, да так, что к августу я обыгрывала всех соседских пацанов.

А эти, новые, сбились в стаю, как мелкие дворняжки. И вместе стали опасны.

Они могут налететь сзади, толкнуть в спину и удрать: если и захочешь пожаловаться, не знаешь, на кого. Возле магазина, куда бабушка отправляет меня каждый день за свежим хлебом, они дожидаются, пока я выйду, и начинают кричать вслед гадости. «Обезьяна кривоногая! Дылда!» И еще что похуже. Бабушка всегда говорит: стыдно тем, кто обзывается. Но почему-то стыдно мне.

Я не боюсь их, мне только гадко и противно.

Целую неделю я терплю. Один раз на крики вышла продащица обвела всех грозным взглядом и поинтересовалась, что тут происходит.

– Мы просто играем, тетя Люда! – ответил один, похожий на маленького Есенина.

Вид у него невиннее, чем у котенка. А ведь он обзывается злее всех и позавчера даже швырнул в меня землей.

– В красных и белых!

– Вы ее спросите, пусть скажет!

– Она сама просилась с нами!

Откуда-то они знают, что я не могу наябедничать взрослым.

– Ах, играете, – успокоилась тетя Люда. – Ну, играйте, играйте...

После этого случая мальчишки совсем озверели. Не знаю, отчего они пристают именно ко мне. Может, потому, что девочки постарше ходят вместе, а я почти всегда одна.

«Дорогой дневник. Сегодня бабушка отправила меня за сахаром..»

То, что случилось потом, нельзя доверить дневнику.

У продавщицы на полке в большой коробке хранится колотый сахар. Бабушка держит в буфете маленькие щипчики, а у тети Люды на прилавке огромные кусачки размером с дедушкин секатор для деревьев, с которыми она управляется так ловко, что если попросить ее взвесить сто пятьдесят три грамма, с первого раза откусит с хрустом желто-белый кусок, небрежно бросит на весы, и качнувшаяся стрелка покажет ровно сто пятьдесят три, ни граммом больше, ни граммом меньше.

Правда, никто не проверял. «Людочка, милая, взвесьте с полкило», – так ее просят обычно.

Дома бабушка наколет большие куски на маленькие, сло-

жит в хрустальную вазочку. Будем пить чай вприкуску.

Я выхожу из магазина, прижимая твердый кулек к груди.

И слышу за спиной:

– Куда пошла, б...ь?

Этим ужасным словом дядя Женя обзывает Лелю. Внезапно меня охватывает ярость, которой я не испытывала никогда в жизни, такая ярость, что если я закричу, вспыхнет трава и лопнут стекла в магазине. Это ругательство должно быть спрятано за стенами дачи Лагранских, а мальчишки принесли его сюда, в мой славный уютный мир с бабушкой и дедушкой, с чаепитием на веранде, с солнечными днями и добрым ветром, с игрой в ножички и песней из «Веселых ребят»; они швырнули его в бабушкину вазочку, как собачье дерьмо (да, я тоже знаю такие слова!), и скалят зубы, точно макаки.

– Вы! – кричу я, и наступаю на них. – Я вам ...! ...! ...!

Все то, что я много дней подслушиваю у Лагранских, бьет из меня, как вода из шланга, и окатывает моих врагов. Это такая брань, которой они в жизни не слышали. Я и не догадывалась, что так хорошо все запомнила.

– Идите ...! – ору я.

У маленького Есенина отвисает челюсть. У остальных такие глупые растерянные лица, что если бы не завладевшее мной бешенство, я бы рассмеялась.

– Аня! – вопит за моей спиной возмущенная продавщица, появившаяся как чертик из коробки. – Ты ругаешься матом!

Все расскажу Ивану Давыдовичу! Замолчи сейчас же!

Я тихая послушная девочка из хорошей семьи. Я говорю «здравствуйте» и «доброго вам дня», хожу за руку с бабушкой и вежливо поддерживаю разговоры взрослых. Так что тетя Люда никак не ожидает, что я брошусь в магазин, оттолкну ее и схвачу с прилавка жуткие сахарные щипцы.

– Сейчас я вам все зубы, ..., вырву! – ору я и бегу на мальчишек. Щипцы мрачно сверкают в моих руках.

Я – смерть с косой, я воин с кривой саблей!

Видимо, я действительно страшна, потому что тетя Люда визжит в полный голос, а мальчишки пьются и кидаются прочь. Они улепетывают так, что за ними дымовой завесой поднимается пыль, точно по дороге промчалась не дюжина пацанов, а кавалерийский отряд. Один из них брякнулся на задницу. Он ползет от меня, как таракан, не сводя расширенных глаз со щипцов. Щелкая ими, я направляюсь к нему.

К визгу продавщицы добавляется дикий крик мальчишки.

– А-а-а-а-а! – орет он. Ему удастся наконец перевернуться, и он бежит, спотыкаясь на каждом шагу, кашляя от пыли, которую подняли его же товарищи.

Я смотрю ему вслед, тяжело дыша. У меня колотится сердце, а ноздри раздуваются. Щипцы так приятно увесисты в руке, что жаль расставаться с ними.

Продавщица наконец замолчала. Я прохожу мимо, не бросив даже взгляда в ее сторону. Все взрослые вызывают во мне чувство почтения и легкой боязни, но в эту минуту мне

никто не страшен; я испытываю только презрение к этой толстой дуре, которую так легко обвели вокруг пальца лживые мальчишки.

Щипцы возвращаются на место. А где же мой сахар? Вот он, на прилавке! Убейте, не помню, когда я успела оставить его здесь.

Тетя Люда так и не произносит ни слова. Она ничего не скажет моему дедушке ни в тот день, ни позже – вообще никогда.

Глава 6

Сыщики

1

Щедровск оказался больше и благоустроеннее, чем ожидал Макар.

– Я насчитал всего два ухаба на десять километров дороги, – заметил он. – И вокзал неплох.

Сергей вел машину, которую они взяли напрокат.

– Город криминальный, – возразил он. – Уровень преступности здесь понизился только в последние десять лет. Однако на Мансурова нет вообще ничего, даже приводов в милицию. Вон, кстати, наша гостиница.

Илюшин посмотрел на двухэтажное здание с облупившейся штукатуркой и закатил глаза.

– Возможно, искать надо было в биографии Белоусовой, – продолжал Сергей. Пантомиму напарника он проигнорировал.

На балкон вышла женщина в халате и встряхнула полотенце.

– Это что, «Дом колхозника»? – не выдержал Макар.

– Дом колхозника – это твоя квартира, – флегматично ска-

зал Бабкин. – А здесь, по отзывам, самое приличное место во всем городе.

Им выдали ключи от двух смежных номеров, просторных и чистых. Заставлены они были не рухлядью советских времен, как опасался Бабкин, достаточно повидавший провинциальных гостиниц, а простой добротной мебелью, выкрашенной в светло-голубой цвет. На широких кроватях лежали пестрые лоскутные покрывала. Илюшин, конечно, и здесь не удержался: заметил елеинным тоном, что интерьер выдержан в стиле «сельский шик», но Сергей возразил, что вряд ли в каком-то селе ему так повезет с интернетом, и Макар заткнулся. Скорость действительно была приличная.

– Детский дом в городе только один, – сказал Илюшин, изучив сайт Щедровска. – Я возьму Мансурова, ты – Белосову. Адрес знаешь?

– Разберусь.

2

Договориться о разговоре с заведующей Макару удалось без труда, но встретившая его женщина была настроена враждебно.

– Задавайте побыстрее свои вопросы. У меня много дел.

– Валентина Викторовна, я не журналист...

– Тогда зачем я вам понадобилась?

Они стояли в пустом вестибюле, где гулко звучали слова

и шаги. Из приоткрытой двери, которую заведующая не стала закрывать, явно давая понять, что гость здесь не задержится, несло краской: снаружи на крыльце трудился маляр. Илюшин раскашлялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.